

СНЫ ПОД СТЕКЛОМ

**Бортжурнал
капитана Зельтца**

Капитан Зельц Сны под стеклом. Бортжурнал капитана Зельца

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48781024
ISBN 9785005086143*

Аннотация

Потрясающе интересные, жёсткие и правдивые истории из жизни бывшего российского, а ныне израильского военврача-психиатра, которому довелось работать там, куда немногие попадают добровольно: в больницах, в армии, в тюрьме. Написанные живо, выпукло, сочно, с добрым и тонким юмором, эти повести несомненно заслуживают пристального внимания всех любителей добротной и талантливой литературы. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие предисловия	6
Предисловие	11
Послесловие предисловия (в котором упомянуты различные известные и неизвестные персонажи, оказавшие некое влияние на автора)	13
Часть первая. Комсомольцы VS Brave New World	16
Глава 1, в которой молодой врач готовится стать рэкетиром-любителем	16
Глава 2, в которой кратко описывается, как автор провёл почти полные 365 дней в параллельном мире	22
Глава 3, в которой рассказывается о моих первых днях на Земле Обетованной	31
Глава 4. Среда обитания	34
Глава 5, в которой рассказывается о трудовых буднях летучей ремонтно-строительной бригады имени Моше Рабейну в январе месяце, много-много лет тому назад	41
Глава 6, в которой уже наступил февраль, а я заработал 50 шекелей за ночь и стал заместителем филиппинца	46
Глава 7, в которой я совершаю головокружительный карьерный скачок	52

Глава 8, в которой рассказывается о бойцах невидимого фронта, а автор задумывается о Боге	55
Глава 9. Страх и мерзость, но не в Лас-Вегасе	64
Глава 10. Путешествие роля	73
Глава 11. Морские сюжеты	76
Глава 12. День санитаря. Утро	82
Глава 13, в которой продолжается рассказ о трудовых буднях санитаря	99
Глава 14. Ночь санитаря	106
Глава 15, в которой сюжет совершает неожиданный поворот: автор включает машину времени и мы переносимся на 25—30 лет до начала описываемых выше событий	116
Глава 16. Продолжение «Весёлых картинок», в которой описываются попытки моделирования «Травмы рождения»	123
Глава 17. Продолжение «Весёлых картинок», антагонизм процесса и цели	127
Конец ознакомительного фрагмента.	129

**Сны под стеклом
Бортжурнал
капитана Зельтца**

Капитан Зельтц

© Капитан Зельтц, 2019

ISBN 978-5-0050-8614-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие предисловия

Случилось так, что в 1993 году от Рождества Христова, в декабре месяце, я дожидался автобуса из Арада в Эйн-Бу-кек. Был полдень. Солнце не светило, а жарило так, как будто вознамерилось обратить город Арад в плазму. Вместе с жителями, уродливыми четырехэтажками, автобусной остановкой и с автором этих строк.

Белый воздух вокруг автобусной остановки дрожал, накаляясь с каждой минутой всё сильнее. Вода закончилась. Можно было бы купить ещё бутылку в ларьке, но в кармане у меня была огромная сумма в 20 шекелей, и я не мог позволить себе такую роскошь. Возникало серьёзное опасение, что пока рейсовый автобус доберётся до этой остановки, он найдёт лишь прозрачный вибрирующий эфир.

За обочиной шоссе справа и слева, насколько мог охватить зоркий взгляд путешественника, простиралось бескрайнее жёлто-белое море песков.

Я вдруг увидел прямо перед собой бедуина в свободных белых одеждах. «Парень, наверное, со времен Саладдина не менял гардероб...». Я не успел удивиться его столь внезапному появлению – казалось бы, человек не может выйти из пустыни на шоссе незамеченным – как бедуин направился прямо ко мне и сунул мне в руки какую-то потрёпанную толстую тетрадь.

Кисти рук и лицо кочевника были темно-коричневые, морщинистые, как будто вырезанные из красного дерева.

Совершенно машинально, я взял тетрадь и, с трудом ворочая пересохшим языком, спросил: «Что это, брат? Зачем?»

Бедуин молча и отрешённо проследовал мимо меня, как будто никого рядом вообще не было, и растворился в песках за шоссе.

Тетрадь была исписана от корки до корки мелким почерком. Кое-где почерк был неразборчив, но мне удалось понять, что ко мне в руки попал какой-то дневник. Устроившись на удобном сиденье рейсового автобуса, я углубился в чтение.

К сожалению, ни имени, ни даже инициалов автора дневника я нигде не обнаружил. Вместо этого, на внутренней стороне обложки было несколько телефонных номеров. Я потрудился обзвонить абонентов, но большинство оказались посредниками по съёму дешёвых квартир; был ещё один, явно пьяный, автомеханик и две раздражённые чем-то девушки. Никто из них не мог сообщить никакой информации относительно загадочного бедуина, вышедшего из пустыни с полинялой тетрадью. Я даже отодрал выцветшую клеенчатую обложку, пытаясь найти хоть какую-то зацепку – но тщетно. Дело в том, что я проникся какой-то симпатией к автору. Меня, правда, немного раздражало то, какие необъяснимые обстоятельства предшествовали появлению загадочной рукописи.

«Дневник русского репатрианта... и вдруг – какой-то бедуин?!»

Кроме того, мистическим образом, некоторые события казались мне точным изложением того, что произошло со мной.

Но нужно ли стараться непременно понять всё и возможно ли это: достичь тотального и завершённого понимания? Индусы уверяют, что такое возможно, необходимо только выполнить 7 миллионов асан. Я же давно решил для себя, что жизнь нужно принимать такой, какая она есть, и не пытаться докопаться до сути вещей, ибо суть эта изменчива и понимание наше – эфемерно.

Но вернёмся к автору. Местами, увы, слишком лаконично, он описывал свои впечатления о репатриации в Израиль. Потом переключился на социалистическое детство и юность в СССР. Затем шли воспоминания о работе в психиатрической больнице, о службе в Армии Оборона Израиля и в Израильском Управлении Тюрем.

Кажущиеся поначалу точными, фактические описания вдруг перемежались с записями снов, а кое-где казались явными выдумками и казусами.

Мне захотелось сохранить рукопись, и даже, возможно, опубликовать её. Будь я писателем или журналистом, я мог бы превратить эту рукопись в неплохую книгу – так думал я. Но Бог (или ДНК) не наградил меня литературным талантом, крылья моей фантазии тяжелы и неуклюжи. Кроме

того, в Израиле, как и в любом другом месте на Земле, мана небесная не падает на голову среднего потребителя (единственное исключение описано в древних книгах, произошло более чем три тысячи лет назад, и вероятность повтора ничтожно мала). Поэтому, мне пришлось в поте лица своего зарабатывать на хлеб насущный, и было совсем не до писанины.

Прошли годы. Рукопись практически полностью выцвела, и я начал понемножку перепечатывать её. К тому времени я уже разбогател настолько, что, после долгих лихорадочных размышлений и подсчётов, рискнул приобрести «Пентиум-1» с огромным, в 2 Гб хард-диск.

Местами исправляя, по своему разумению, немногочисленные ошибки, местами дополняя «выпавшие» из логической цепочки повествования моменты, я начал реставрацию рукописи. Главного героя и автора я решил назвать «капитан Зельтц», поскольку именно от лица капитана Зельтца изложены некоторые события.

Прошло ещё несколько лет, восстановление рукописи закончено. Поскольку истинный автор нам неизвестен, я, как корректор (и в какой-то степени – соавтор) предлагаю считать автором рукописи капитана Зельтца.

Все упоминаемые ниже события, персонажи, страны и континенты – вероятно, являются проекцией вымышленных иллюзорных фантомов в интроецированных аспектах бессознательного отдела психики автора.

Любые совпадения с реальными физическими лицами – случайны и неумышленны.

Предисловие

У бело-силиконовой стены нашей девятиэтажки притулилась маленькая жестяная крыша входа в подвал.

Подвал этот индуцировал в октябрятах разные страшные фантазии. Там, как и полагается реально страшному и таинственному подвалу, не было освещения, пахло старой могилой и те, у кого хватило смелости спуститься по ступенькам, и свернуть за угол, куда вели кишечные хитросплетения труб... те уже не возвращались.

Не возвращались такими, как прежде. Ибо не только нельзя войти в один и тот же подвал дважды, но, что ещё интереснее, вошедшие в подвал – это уже не те, что вышли из подвала. Я вот увлёкся темой подвала, а на самом-то деле, хотел поговорить о жестяной крыше.

Жила-была жестяная крыша. Голуби не сидели на ней. Не было на ней кирпичной трубы, и дебошир-Карлсон не опускал свои мото-ягодицы на её раскалённую полуденным солнцем жесть. Крыша чувствовала себя одинокой и ненужной, несмотря на то, что силиконовые кирпичи пытались всячески подбадривать её, уверяя, что она просто-таки спасает подвал от дождя и снега. Но крыша не верила кирпичам, потому что подвал и так был вечно залит по колено вонючей жижей из его ржавой требухи.

Один мальчик очень любил забираться на крышу, лежать

на ней и глядеть в космос. Между ним и космосом плыли облака. И мальчик любовался ими, а они выделялись, принимая причудливые формы: смешные рожицы, животных, а иногда – целые воздушные замки. И мальчик, и крыша, и облака ощущали в это время океаническое единение, покой и блаженство. Облака степенно проплывали мимо, и мальчик забывал об унылой школьной серости, о задорном дворнике, которого звали почему-то «тётя Лена», который/ая не раз гонял детей метлой, при этом сатанински хочоча раскатистым громовым басом.

Он забывал про постылые домашние задания, про хулиганов из соседнего дома, про ненавистные кружки вечером. Лёжа на крыше и созерцая воздушные замки, мальчик был по-настоящему счастлив. Установившаяся связь с крышей и с воздушными замками сохранилась у мальчика на всю жизнь. С тех пор прошло уже более 40 лет, а мальчик и сегодня занят, в основном, крышами и воздушными замками.

Послесловие предисловия (в котором упомянуты различные известные и неизвестные персонажи, оказавшие некое влияние на автора)

Никогда не рассказывайте о себе ни хорошего, ни плохого. В первом случае вам не поверят, а во втором – приукрасят. КОНФУЦИЙ

Но я всё-таки рискну.

События, о которых пойдет речь, произошли давным давно. Однако, уже после того, как проклятый царизм в форме Яйца Фаберже был превращён в яичный порошок, сметён светлым социалистическим будущим в образе Павлика Морозова, но всё же несколько ранее того, как это, всё такое светлое социалистическое будущее, принявшее кустистые очертания Дорогого Леонида Ильича, в свою очередь, было сметено совершенно бесцветным, я бы сказал, кристально-прозрачным, феодализмом.

Эдакая нелепая смесь лапотно-лубочного цирка-шапито с кибернетическим Апокалипсисом.

А ведь предупреждал меня трубач-одиночка Лопатников.

Говорил он, готовя нас, пионеров, к выступлению на Международном Фестивале молодежи и студентов (в благословенном Оруэлловском 1984): «Ребята, не разговаривайте с иностранцами! Вот, одному мальчику подарил американец красивую авторучку, а она взорвалась!»

Трубач оказался прав – взорвалась авторучка, мальчик, и вся страна.

Отдельная благодарность Б. Глубокову, который в 1983 году оказал автору высочайшее доверие и преподнёс в дар окаменевший экскремент Неизвестного Динозавра. Этот, поистине бесценный, презент служил для меня путеводной звездой при написании и последующем прочтении этого скромного труда.

Бурный поток ассоциаций уносит меня к крылатому изречению трактирщика Паливца... но я, как опытный кормчий, направляю свой потрёпанный челн (здесь действительно опасное место – я чуть чуть не перепутал буквы!) сквозь водовороты измышлений – вперёд, вперёд!

То есть – назад! Назад! К началу этой истории. Точнее, к началу дневника. Странно, но дневник мой начинается отнюдь не сначала, а с того момента, когда мой сокурсник, ныне уважаемый российский доктор Д. Л. Левит, спросил:

– Ну, и как тебе в Израиле? Как, вообще, всё происходило?

«Хорошенький вопрос! Как **ВСЁ** происходило?!»

Ничего не ответил я почтенному доктору, но крепко задумался.

Думал я три дня и три ночи. И ещё три месяца. И придумал.

Часть первая. Комсомольцы VS Brave New World

Глава 1, в которой молодой врач готовится стать рэкетиром-любителем

Место: Галактика Головы Лошади, Солнечная система, планета Земля, Восточно-Европейская равнина.

Время: Последняя декада 20-го века.

Папа и маленький сын, взявшись за руки, стояли на трамвайной остановке. Крупные хлопья снега искрились в свете фонаря, и красиво кружась, плавно опускались им на плечи.

Папа, в осеннем пальто и в лыжной шапочке (по последнему пisku парижской моды – «петушок»), ждал трамвая. Трамвайные карманники были хорошо знакомы с папой и обходили его стороной. И отнюдь не по причине буйного нрава, боже упаси! (папа, был человеком экспрессивным, но отнюдь не злым). Просто карманы папиного пальто были всегда пусты, и более того – бездонно пусты. Ибо давно протёрлись изнутри. И потерять в них было намного легче, чем найти.

Вокруг была непроглядная морозная тьма. Кое-где мерцали огоньки папирос, тишину зимнего вечера нарушало изредка покашливание курильщиков, да изредка проносились одинокие авто. Знакомый частник-таксист уверял, что ему пришлось потратить целый день в очереди за бензином, и что теперь никто не станет выезжать без крайней нужды.

– Пол-дня работаешь – день стоишь в очереди на заправке! – возмущался таксист, совершенно отказываясь замечать положительную сторону ситуации.

«Удивительно, как некоторые люди видят только плохое! А ведь у любого явления есть, как минимум, две стороны. Ну, например... таксисту теперь не придётся страдать от перегрузок и стресса, проводя за баранкой сутки без перерыва. Да и воздух стал намного чище...»

Это было время огромных сюрпризов. Проявляя неустанную заботу о гражданах России, правительство то закрывало огромные заводы, то проводило приватизацию, то денежную реформу, то аннулировало сберегательные счета. И те, кто был никем – стали ничем.

Папа и сын стояли рядом с ларьком. Ларёк этот всё ещё носил на козырьке буквы «Союзпечать», но полки его были заставлены импортным шоколадом, консервами и красивейшими, соблазнительными бутылками. Папа был знаком с этим ларьком с детства. Когда-то, в нём пахло свежими газетами (о, этот волшебный запах!), сбоку стояли пластинки (иногда даже с записями иностранных исполнителей!),

а иногда там появлялись миниатюрные модели машин. Недёшево, конечно, 3р. 50 коп., и маленький папа мог только мечтать о такой машинке. Но зато, там были дешёвые «раскраски» и контурные карты. Теперь, пластинки и контурные карты сменились «сникерсами» и бутылками «Смирнофф». Свободный рынок диктовал новые нормы жизни.

Папа прекрасно понимал, что не может позволить себе абсолютно ничего из этого изобилия загнивающего Запада. И стоял, повернувшись к дьявольским соблазнам спиной. Просто ему казалось, что в жёлтом свете ларька ожидать трамвая было не так тоскливо. Даже... чуточку теплее? Глупо, конечно. Стопы его уже замерзли, и он топтался с ноги на ногу, сутулясь в своём тонком пальто и пряча правую руку от мороза в дырявом кармане. Лево́й руко́й он сжимал маленький кулачок сына, и его страшно умиляло это прикосновение. Ему казалось, что он ощущает тепло через шерстяную варежку малыша.

«Если бы... четыре года назад... мне рассказали бы, в какой реальности придётся жить моему ребёнку... я ни за что бы не решился...» так думал папа, ужасаясь собственным мыслям. К счастью для малыша, папа его не обладал даром предвидеть будущее. И, будучи очень и очень молодым папой, не размышлял о жизни слишком глубоко. Не глубже одной текущей недели.

Сын, анемичный мальчуган, закутанный, как колобок, гипнотизировал через стекло витрины красивый «сникерс».

– Папа, купи мне шоколадку!

«Папа не может купить тебе шоколадку, сынок. Папа в этом месяце получил зарплату спичками и мылом...»

Папин школьный приятель Вадька уверял, что за шоколадку «сникерс» он уложит в постель любую пионерку.

«Странно, где-то ещё остались пионерки?!»

– Папа, купи мне шоколадку!

– Шоколадки кушать вредно! В них нет витаминов... – внушал папа ребёнку, испытывая одновременно когнитивный диссонанс, невыносимый стыд и тоску.

Обдав грязной снежной крошкой томящихся от мороза и от ожидания пассажиров, с танковым урчанием пронёсся огромный сверкающий джип. Он лихо затормозил у ларька. Из джипа, как черти из табакерки, выскочили два крепких, стриженных «под ноль», парня. На них были одинаковые спортивные костюмы «Адидас», одинаковые золотые цепи поблескивали на одинаковых мощных шеях. Невзирая на холодное время года, оба были обуты в «сланцы» на белый носок. В общем, выглядели они, как два инкубаторных брата-гоблина.

«Да... вот где все витамины...»

Братаны забарабанили мясистыми кулаками в заднюю дверь ларька. Дверь немедленно лязгнула, и потом лязгнула снова, уже закрываясь.

Унося в лапах какой-то большой пакет, гоблины бодро запрыгнули в джип, ещё раз обдали толпу смесью грязи со сне-

гом и скрылись в темноте. Через несколько секунд джип вернулся. Открылось окно позади водителя, и оттуда высунулась рука с пистолетом. Кто-то внутри джипа весело помахал пистолетом человечкам на остановке. Джип исчез в темноте.

Папа вспомнил недавний разговор с друзьями. Вадька агитировал его, обещая лёгкую жизнь:

– А чё, давай и мы в бандиты заделаемся!

– А ты... человека сможешь покалечить... за бабки? – строго вопрошал многоопытный Серёга.

– Смотря какой человек! Есть такие, которых я и бесплатно покалечу! – философствовал Вадька.

Папа в своих криминальных талантах сильно сомневался. «Витамины витаминами, а калечить невинных людей... Да и Вадька – тоже мне, рэкети́р. В школе он даже не подрался ни разу, а туда же... Аль-Капоне, блин...»

Папа как раз закончил «мед», и, после подключения мыслимых и немыслимых связей, мог бы рассчитывать на место участкового терапевта. Он мог бы продолжать подрабатывать массажистом, время-от времени – грузчиком, иногда – дворником. В больнице, где папа проходил практику, был известный пожилой терапевт. Закончив приём пациентов, терапевт отправлялся на товарную станцию и там разгружал вагоны с цементом.

– Пришёл к нам в бригаду один качок, – радостно рассказывал терапевт. – Здоровый! Посмотрел на меня и рожу скривил. Типа, «старик, дохляк»! Начали разгружать. Качок

уже через полчаса «сдох», а я – хоть бы что!

Да, терапевт, вне всякого сомнения, умел разглядеть положительную сторону. Вот только... жизнерадостность его почему-то не передавалась папе.

«Проучиться всю жизнь... чтобы потом разгружать вагоны?! Здесь что-то не так! Что-то неправильно!» И тогда, на промёрзшей темной остановке, папа в первый раз подумал: «Уеду в Израиль! Хотя бы, ради ребёнка!» Подумал, и не поверил сам себе.

Глава 2, в которой кратко описывается, как автор провёл почти полные 365 дней в параллельном мире

От пронизательного читателя не ускользнуло, разумеется, что речь в предыдущей главе шла не о Папе Римском, а об авторе. Мы просто тѣзки, а вот фамилии у нас – разные. Дабы прекратить путаницу, и во избежание дальнейших недоразумений, поведу повествование от первого лица.

Есть серьёзные современные историки, утверждающие, что создание Интернета (именно так, с заглавной буквы) породило новую религию: Датаизм.

Почему я сейчас вдруг пишу об этом? А потому, что в ту далѣкую зиму, когда я решил покинуть тонущий борт ржавого дредноута «СССР», ни интернет ни Интернет ещё не были знакомы рядовому потребителю. И невозможно было представить, что можно, валяясь на диване со смартфоном, заполнить и подать бумаги онлайн.

Кстати, рядовой потребитель также ещё не был знаком Интернету, и можно было свободно говорить о чём угодно, не ожидая, что тебя начнут «бомбить» целенаправленной рекламой по подслушанной теме.

Разумеется, даже в до-Интернетную эру, не рекомендова-

лось:

- 1) публично не выражать восторга по поводу линии Партии и Правительства;
- 2) рассказывать политические анекдоты;
- 3) низкопоклонничать перед Западом (желать импортных шмоток, любить иностранную музыку и т. п.).

Но это отдельная тема, она слишком велика для моего скромного дневничка. Оставим её историкам.

Для того, чтобы оформить документы на загранпаспорт, нужно было приехать в ОВИР, взять незаполненные бланки, заполнить бланки и подать их в порядке живой очереди, в часы приёма: «Вторник с 9:00 до 14:45; перерыв на обед с 13:00 до 14:00. Четверг с 9:00 до 14:45; перерыв на обед с 13:00 до 14:00».

Моя первая поездка для оформления загранпаспорта состоялась в ту же зиму (с несвойственной мне оперативностью).

Меня предупредили, что очередь в ОВИР нужно занимать в 5 утра. И вот тёмным и безрадостным декабрьским утром, с первым трамваем, я отправился туда. В трамвае, по причине зимнего времени, не работал обогрев. Ехать, впрочем, было минут сорок, не больше. Да что жаловаться? При царе, например, трамваев с обогревом вообще не было. А тут — в каждом трамвае есть обогрев, пусть даже и отключенный.

Все пассажиры дружно подняли воротники, подпрыгивали на сиденьях и притопывали, выпуская клубы пара. Я тоже,

чтобы не выделяться, поднял воротник, засунул руки в карманы, притопывал и подпрыгивал. Казалось, мы исполняем некий танец сидящих эскимосов.

У закрытых (естественно) дверей ОВИРа уже толпились антисоветчики, космополиты и потенциальные предатели Родины. Они тихо, как на похоронах, переговаривались друг с другом и рисовали номера на кисти левой руки, прямо на точке Хэ-гу (укрепляет иммунитет, снимает менструальные боли). Я тоже получил свой номер — 19. И вот, хотите — верьте, хотите — нет, с тех пор менструальные боли меня не беспокоят!

Огромные резные двери открылись в 9:00. Появился пухлый, похожий на откормленного кота, милиционер. В приёмной не хватало стульев и пространства, поэтому «дальним» номерам, пришлось топтаться снаружи, на морозе. Мороз, знаете ли, создаёт бодрость духа и способствует обострению восприятия. Поэтому, наверное, песни о строительстве Байкало-Амурской магистрали переполнены оптимизмом.

Я прохаживался по грязному утоптанному (предателями) снегу перед входом в ОВИР и напевал: «Слышишь, время гудит ...БАМ!!! На просторах крутых... БАМ!!! И большая тайга покоря-я-я-яется... нам!!! Слышишь, время гудит ...БАМ!!! На просторах крутых ...БАМ!!! Это колокол наших сердец мо-ло-дых!!!»

Опытные ренегаты открывали дымящиеся термосы. Доставали бутерброды, завернутые в бумажные пакеты из-под

сахара. Я вдыхал аромат горячего чая и отмечал приятное отсутствие мыслей. Я стал практически просветленным. 5 часов на морозе способствуют, знаете ли.

Где-то в половине одиннадцатого я уже продвинулся в приёмную почти на метр, мне уже видно было Заветную Дверь, за которой исчезали униженные просители. Перед дверью на стуле восседал котообразный милиционер и хищно поглядывал на очередь. «Ведите себя пристойно, безобразий не хулиганьте – и я вас не трону!» – как бы говорил его властный взгляд.

Входная дверь весело распахнулась. В приёмную ввалились два лысых близнеца-гоблина. Оба, как положено, в кожаных куртках, спортивных костюмах «Адидас» и в сланцах на белый носок. Их розовые лица озарили мрачную приёмную какой-то детской радостью. Не теряя время на ненужные колебания, они дружно направились прямо к Заветной Двери. Мимо глупышей с номерами на лапах. Мимо грозного стража Заветных Врат.

Очередь напряглась и затаила дыхание.

Милиционер вдруг прилежно уткнулся в газету, должно быть, увидел там нечто захватывающее.

Один из гоблинов просто толкнул дверь ногой и весело помахал кому-то внутри. Изнутри вырвалась волна тепла, доброты и безусловной любви. Она подхватила близнецов и увлекла вовнутрь. Не прошло и пяти минут, как гоблины вынырнули обратно, ещё веселее, чем прежде, помахивая

большим бурым конвертом перед носами пронумерованных предателей.

«Вот видишь – им ненадолго нужно было! – увещающе пробормотала какая-то носатая старушка своему спутнику, носатому старичку. – А ты сразу нервничаешь!»

Старичок поморщился и молча проглотил какую-то маленькую таблеточку из маленькой стеклянной трубочки.

Моя очередь. С замирающим сердцем открываю Заветную Дверь. Вот оно, настоящее присутственное место: огромный кабинет, за необъятным министерским столом отсутствующее лицо.

Под отсутствующим лицом начинался мощный женский торс, затянутый в серый мундир с майорскими погонами. Мне захотелось упасть на колени и подползти с стола, но я сдержался, и просто положил свои бумаги перед майоршей. Для этого мне пришлось обойти большую часть стола и потом пятиться обратно. Стульев для посетителей не было предусмотрено, ибо не нужно рассиживаться и отнимать время у занятого человека.

«Заходи тихо, говори чётко, проси мало, уходи быстро».

Я вдруг услышал механический голос, с оттенком ненависти:

– Здесь и здесь подписано неправильно. Придёте через месяц.

(Ползи отсюда, жалкий червь!).

С артистической чёткостью майор швырнула всю пачку

моих неправильных бумажек через стол и я поймал их в воздухе зубами, сделав красивую стойку на задних лапах.

Я шёл по заснеженному городу.

«Может быть, зря я всё это затеял? Да кому ты там нужен? Но здесь же творится черт-те что! А там – просто рай на Земле. Там просто заждались тебя! Чужая страна, ты никого там не знаешь! Здесь, как ни как, родственники, друзья, знакомые! Всегда можно пойти в Армию!»

Голоса инерции звучали всё громче и убедительнее.

Я вышел в центр города, на пешеходный переход. Я уже, практически, перешёл дорогу. Уже моя правая нога опустилась на тротуар, когда мчащийся по противоположной полосе джип вдруг прибавил скорость, выскочил на встречную полосу и ударил меня. К счастью, удар пришёлся в левую пятку, которая уже оторвалась от земли. Меня перевернуло в воздухе и я, весьма удачно, приземлился в сугроб.

Джип помчался дальше. Я лежал в сугробе, и, хотя я ещё не совсем сообразил что к чему (насколько сильно пострадала моя левая нога и всё такое), но радость переполняла меня.

В этом, казалось бы, незначительном эпизоде, я смог найти массу положительных и даже вдохновляющих моментов:

1. Если водитель потрудился выехать на встречную сторону, чтобы сбить меня – наверняка было во мне нечто такое... что привлекло его.

2. Добрый водитель джипа мог бы остановиться и добить меня, пока я лежу в сугробе. Но он милосердно проехал ми-

мо. А вот Вадьке, моему школьному приятелю, повезло гораздо меньше. Добрые люди остановили его на улице. Он им чем-то понравился. И они попросили Вадьку встать в угол в подворотне. И пока Вадька там стоял, добрые люди стреляли по нему из «воздушки». Не со зла, конечно, а забавы ради.

3. Хвала Всевышнему! Была зима, на мне были толстые зимние сапоги. Получи я удар джипом в голую пятку, упавши на кучу кирпичей, а не в рыхлый сугроб... Понятно, что сценарий мог бы быть экстремально драматичным. Я бы мог, к примеру, переходить дорогу задом наперед, и тогда удар пришёлся бы в черепушку. Или я мог бы отлететь под другой, мчащийся из точки Б в точку А, автомобиль. А если бы вместо сугроба там бы торчали вилы? Или если бы вместо тротуара там была бы пропасть?

Я всё больше убеждался, что мне просто колоссально повезло!

4. Я вот лежу себе, дышу, размышляю... Значит, как говорил Декарт, дела мои не так уж плохи. Ведь правда, совсем немногие, пережившие наезд джипом, могут похвастаться таким состоянием.

5. Мне сказочно повезло – ведь будь я Ахиллесом...

Так, преисполнившись радости, я кое-как стащил сапог, и убедился, что пятка моя на месте. Немного опухшая, но обычной конфигурации, без смещений. Наступать на ногу было больно, но я доковылял до трамвайной остановки.

Не сидеть же мне в сугробе, пока пятка заживёт.

И знаете что? Может быть, именно этот джип подтолкнул меня к правильному решению.

Посещения ОВИРА стали привычными.

Привычно я ловил в воздухе свои неправильные документы.

– Здесь не хватает печати, а здесь подпись неразборчива. Придёте через месяц.

На каком-то этапе от меня потребовали справку из ЖЭКа о том, что я уже не прописан и съехал с квартиры. Я таки съехал с квартиры и жил у родителей – благо, было где жить, а мытарства со справками и подписями в ОВИРе продолжались ещё месяцы после того, как я формально и официально превратился в БОМЖа.

Одновременно со справкой из ЖЭКа потребовалась справка об увольнении с места работы. Прежде, чем отпустить своих строптивых сыновей, Родина заботливо избавляла их от материального бремени, коим являются право на труд и право на жильё.

Догадываюсь, что люди, обремененные семьей и без возможности «кантоваться» у родственников, просто искали средства «подмазать» колеса государственной машины.

Я почти не скучаю по своей Родине – СССР.

Год спустя, Москва.

Израильский консул какой-то неестественно розовый и чистый. После служащих ОВИРа он кажется мне непри-

лично, непривычно вежливым. Говорит он со смешным акцентом.

– А почему вы едете в Израэль без семьи?

– Э... ну... я хочу посмотреть сначала... что к чему...

У консула поднялись брови:

– Поехать в Израэль – это же не поехать на Луну!

Ты прав и не прав, розовый консул, это как поехать на Марс.

Глава 3, в которой рассказывается о моих первых днях на Земле Обетованной

В аэропорту «Бен Гурион» мне стало жарко в свитере. Новых Репатриантов собрали в отдельном зале, где какой-то раздражённый мужик в костюме демонстрировал нам, как нужно пользоваться бумагой для рук. Отточенным жестом он отрывал кусок бумаги из белого жестяного кожуха на стене. Он тщательно вытирал руки и бросал бумажный комок в урну.

– Видите?!

– А как быть с туалетной бумагой? Демонстрация будет? – пробормотал негромко некий зритель.

После серии всяких собеседований, я получил конверт с чеком на 1000 шекелей, и меня отправили (в компании с прочими пассажирами) на маршрутку.

На улице был декабрь месяц, издевательски палило солнце в бездонном синем небе (прошу прощения за банальность), вокруг было много загорелых людей и... пальмы. Настоящие пальмы!

А уже через неделю... я бреду мимо ставших привычными пальм, и в руке моей ведро цемента, а в другой – мастерок, а на мне грязная рабочая одежда, а в голове сумбур. Воз-

можно, сумбур был там всегда. Я приехал в Израиль с одной спортивной сумкой и с солидной суммой денег – 500 баксов. Родственников в Израиле у меня не было. Потом (через несколько лет) оказалось, что родственники в Израиле у меня были, но я их не знал. Не знаю я их и сейчас.

Неделю я перекантовался у друга, а потом – начал самостоятельную жизнь.

Каждое утро я отправляюсь на автобусе в другой город. Потом нужно пройтись пол-часика пешком.

Потом мы садимся в кузов «пирожка», прямо на инструменты и мешки с цементом.

Мы —это уроженец Белоруссии Рома и я. Почётные места в кабине занимают наши начальники. Потомок уроженцев Йемена – Эйфи и потомок выходцев из Польши – Хэйзи.

Хэйзи и Эйфи – рожденные в Израиле штатные работники мэрии, мы же с Ромой всего лишь разнорабочии подрядчика.

Мы и они. Наши зарплаты отличаются раз в 6—7, а статус работника мэрии отличается от статуса разнорабочего примерно так, как отличается статус старшины и новобранца в Советской Армии.

Хотя Хэйзи и Эйфи планируют работу и иногда работают вместе с нами, нередко они просто ставят нам «боевую задачу» и исчезают на несколько часов. Вернувшись, они поторапливают нас с Ромой и даже помогают иногда собрать инструменты. Отношение к нам снисходительное, пример-

но как к двум олигофренам. Нас терпят. Меня это не задевает. Я-то знаю, что не останусь на этой работе, а вот Рома страдает. Роману под 70, он приехал из Минска, где трудился на должности главного инженера. Иврит труден для изучения, особенно людям пожилым, и пока Роман подбирает нужные слова, нетерпеливые южане уже отмахиваются от него и теряют к беседе всякий интерес.

Переход из касты инженеров в разнорабочие дался Роману нелегко, но он упрямо держится за это довольно пыльное и явно неподходящее человеку его возраста место. Он загорел и закалился под южным солнцем, на стройках сионизма.

Глава 4. Среда обитания

Здесь коротко описываются персонажи, с которыми автор делил жилплощадь в течение первого года жизни в Израиле. Мои скромные финансы не позволяли претендовать на отдельную квартиру. Тогда мой друг привел меня в «воронью слободку». Это была шикарная, по советским меркам, квартира: 4 комнаты, общая кухня, 2 балкона.

Когда я вселялся в «воронью слободку», там обитало всего 2 жильца. Горец Гена и художник Яков.

Гена малорослый, чернявый, с ногами кавалериста. Гена верил в себя в прямом смысле этого слова. Он останавливался напротив собеседника, смотрел с ильичёвским задорным прищуром и сообщал:

– Мне был знак!

Далее следовало наставление. Гена считал себя пророком и неформальным духовным лидером Израиля. Никто с ним не спорил. Правда, случалось, что Гену били.

Иногда Гена возмущался непочтительности, с которой я относился к его советам. Он вздымал руки, восклицая:

– Со мной советуется весь Израиль!

Художник Яков был дородным, румяным, загорелым мужчиной лет 50 с плюсом и операцией на сердце в недавнем прошлом.

Яков чем-то напоминал растолстевшего и поседевшего

испанского певца Хулио Иглесиаса. То ли глянец румяных загорелых щёчек, то ли маслянистым взглядом. Где-то в Ра-ше у него (у Якова, не у Иглесиаса) была жена и взрослый сын. Главным занятием Якова были попытки продать свою картину «Похищение Европы», а кроме того, он часто и подолгу гулял на море и был погружен в амурные приключения.

На балконе были выставлены 2 мольберта с работами Якова. Всё первое полотно занимал некий фиолетово-малиновый туман с чёрным глазом посередине. Картина, видимо, символизировала службу соц. страхования, на пособие которой Яков худо-бедно существовал. Вторая картина, «Похищение Европы», изображала женщину на быке. Бык переплывал бурный поток и, судя по пропорциям изображения, должен был быть размером с небольшого слона. Женщина была обнаженной, если не считать трусиков, и стояла прямо на бестолковой бычьей башке, широко расставив ноги и упираясь в похожие на руль велосипеда рога. При взгляде на груди Европы сразу возникало ощущение, что бык должен утонуть. Дело в том, что Яков многократно (и с неослабевающим воодушевлением) дорабатывал своё зоо-эротическое творение, причём после каждой такой доработки молочные железы его героини прибавляли в объёме. Очевидно, сказывалась неустроенность интимной жизни художника.

Незаметно для меня, население квартиры разрасталось. Там появился плиточник—штукатур Наум. Был он худ, лы-

соват и печальными складками на высоком челе напоминал поэта-неудачника. Откуда-то взялся здоровенный вихрастый атлет Леха с эскортом из двух развесёлых молодых барышень неопределенной профессии.

– Это сёстры мои – базили Лёха, подмигивая. – Я их на заботки привёз.

Жили они вместе и поврозь, мигрируя по разным комнатам квартиры и на диванах в салоне.

Появился поросший густой шерстью и фыркающий, как леший, дядюшка Гены. Дядю изгнала супруга, и он обрел пристанище на балконе, прямо под пышногрудой Европой.

Периодически, наездами, поселялись в квартире и исчезали разнообразные персонажи. Освобожденные зэки, молодые хулиганы, прекрасные девушки и мечтающие остограмиться разнорабочие. Иногда салон наполнялся людьми. Люди шумели, играли в карты, пили горячительные напитки, резали желтоватое сало.

Всё это проходило мимо меня. Я уходил на работу, приходил с работы, жарил камбалу и скрывался в комнате. Иногда меня дружелюбно приглашали к столу, но я всегда вежливо отказывался. Народ глухо выражал недовольство, и я даже слышал, что меня считают зазнайкой, что, разумеется, было ошибкой. Просто принять приглашение в застолье означало бы для меня нарушение границ. Мне казалось, что, не меньше личной камбалы, для меня важно своё личное «стерильное пространство». Вернувшись с работы, я закры-

вался в комнате, учил иврит и немножко слушал музыку. Того общения, которое неизбежно происходило вне комнаты, было для меня более чем достаточно.

Я жил на 40 шекелей в неделю. Я точно знал, сколько кусочков хлеба или сыра съем за день. Я пил самый дешёвый кофе без сахара и без молока. Конечно, это не блокада Ленинграда, и не хрен жаловаться.

В конце концов – у меня был кофе!

Когда обнаружилось, что соседи по квартире тоже не брезгуют моими скромными запасами – я перешёл на мороженную камбалу с мороженными питами. Вернулся с работы, бросил на сковородку, 10 минут – и порядок. Кроме меня, возиться с мороженными продуктами никто не желал.

Лирическое отступление

Совершим небольшой скачок во времени. «Уже заканчивалась весна» – хотел написать я, но никакой такой весны вовсе не было. Просто, зимняя жара сменилась летней жарой. В квартире было пусто. «Гудевшие» у нас вчера гости постояльцев, видимо, ушли на работу. Вместе с постояльцами. И я наслаждался редкими минутами тишины.

Солнце пробивалось в кухню через раскрытые двери подсобного балкончика. На балкончике покачивалась двухметровая боксёрская груша и тихо ржавела в углу стиральная машинка. Иллюминатор машинки был варварски порублен. Судя по характеру повреждений, травмы были нанесены боевым топором викингов.

Мне некуда было спешить – в тот день я вернулся с ночной смены, и часов до двух мог бездельничать, а потом нужно было уходить на вечернюю смену. Я сделал зарядку, побил немножко грушу, позавтракал жареной камбалой и выпил чашку растворимого кофе без молока и без сахара.

Вдруг до меня донёлся девичий смех, и на кухне появились две Лёхиных «сестры».

– Смотри, какой мускулистый! А... потрогать тебя можно?

Одна сестрёнка обняла меня сзади, а другая очень решительно подступила с фронта.

Клянусь, я даже не мечтал, чтобы такое случилось. Да ещё без всякого усилия с моей стороны! Вот вам Эмануэль с Дикой Орхидеей на «Греческих каникулах». Но что-то мешало мне расслабиться. Это не был какой-то там Внутренний Голос, и отнюдь не совесть, и не чувство... как там её... пристойности? Порядочности? Вовсе нет. Это была предвзятость, предубеждение: как бывший медик, я был уверен, что сестрички совсем небезопасны с точки зрения микробиологии. Чрезвычайно приятное приключение могло иметь столь же чрезвычайно неприятные последствия.

Так шептал мне разум, а весь примитивный, животный мозг, вместе с гормональной и репродуктивной системой, пульсировали и рычали:

– Такая возможность! Они сами к тебе лезут!

А разум не унимался:

– Русо туристо! Облико морале!

– Две! Сразу две девчонки! Не упускай этот шанс!

– У них же, наверняка, целый букет профессиональных заболеваний... Триппер тебе гарантирован... это в лучшем случае...

И я сказал:

– Погодите, девчонки! Я так не могу! Мы ещё слишком мало знаем друг друга!

Мои вежливые отговорки ещё больше раззадорили сестричек. Мне пришлось высвободиться из пылких объятий, используя навыки дзюдоиста.

– Я не верю в секс без любви! – крикнул я и заперся в комнате. Я уставился в учебник иврита, но мысли мои... они были за дверью.

Чувство гордости за стойкость и проявленное благоразумие, смешивалось с чувством досады. Но, в общем и в целом, я не жалел. Почти.

За дверью некоторое время было слышно хихиканье, но потом всё успокоилось. Говорят, одну из сестричек потом депортировали, а другая нашла себе состоятельного престарелого вдовца северо-африканского происхождения.

Сюрреалистическое отступление

Был вечер. Я был дома, а это значило, что утренняя смена закончилась, и мне нужно было возвращаться в ночную. Из салона доносился шум пьяного веселья. Несколько минут назад, когда я проходил в свою комнату, меня зазывали

«посидеть» и сердито шумели, когда я вежливо отказавшись, прошёл мимо.

Я читал в своей комнатухе. Вдруг дверь распахнулась и в комнату вошёл Лёха. Глядя мутными пьяными глазами, он приставил к моей голове пистолет.

В тот период, всё происходящее казалось мне сном. Может быть, поэтому я был совершенно спокоен. Я знал, что Лёха ревновал ко мне свою девушку. Я знал, что один из участников застолья работает охранником, и пистолет, скорее Лёха взял у него. Я не знал, заряжен ли пистолет, но, почему-то, был уверен, что Лёха не выстрелит.

– Ну, давай. – подбодрил я его.

Лёха постоял надо мной, сопя и покачиваясь, затем опустил пистолет, молча повернулся и вышел.

После этой бizarной выходки, Лёха начал относиться ко мне намного дружелюбнее.

Глава 5, в которой рассказывается о трудовых буднях летучей ремонтно-строительной бригады имени Моше Рабейну в январе месяце, много-много лет тому назад

Жарким январским днем мы копали траншею. Мы – это ваш покорный слуга и бывший главный инженер Роман. Мы усердно рыли Святую Землю. Обливаясь потом, вгрызаясь в скудную каменистую почву, за три часа непрерывной работы мы выкопали кубометров эдак шесть. Не знаю, много это или мало (по меркам профессиональных землекопов), но знаю точно, что это было весьма и весьма утомительно.

Увы, мы не наткнулись ни на захоронения сокровищ Саладдина, ни на Ковчег Завета (хотя шанс был – мы просто копали не в том месте!).

Солнце заботливо поджаривало нас, а на небе не было ни облачка. Отдыхали, усевшись на краю траншеи, и поинерции, исходя потом. Влага наших тел, сдобренная солями и минералами, капала в жёлто-красную пыль, впитывалась в Святую Землю, как бы оставляя там частичку наших организмов. Потом, именно на этом месте, выросли удивительной красоты цветы.

Это шутка, конечно.

Работали в школьном дворе. Я заглянул в помещение и увидел кулер и пузатого пожилого «батюшку» – белый верх, чёрный низ, пейсы, борода лопатой и чёрная кипа. Батюшка расставлял стаканы с водой на подносе.

– Батюшка, дай водицы напиться...

– Прочь, прочь, ирод! Тут всё кошерное!

Батюшка даже задрожал от возмущения.

Шла вторая неделя моего пребывания в Израиле. Не обладая достаточным словарным запасом для аргументации, и, разумеется, сознавая свою полную некошерность, я не стал перечить батюшке. И я уверен, что у батюшки не могло быть никаких личных претензий ко мне. Просто он опасался, что прикосновением своих нечистых стоп я могу осквернить целое учебное учреждение.

В Израиле я начал привыкать к новому парадоксу: если в России, мои любимые сограждане/сверстники/знакомые нет-нет да и бросали мне что-то вроде «жид поганый», то здесь я вдруг оказался в той же незавидной позиции, но уже с другой стороны. Я стал русским, некошерным и безбожным чужаком. Я не сержусь ни на ксенофобов русских, ни на ксенофобов евреев. Ксенофобия – биологический эволюционный механизм, такой же как агрессивность, и виноват в этом только один человек. Дарвин. Это же он придумал эволюцию.

Шучу.

Не получив от батюшки ни капли гуманизма и сострадания, я вернулся к нашему детищу, к траншее. На краю её уже стоял Хэзи и объяснял Роману, что траншея удалась на славу, но теперь её нужно воссоздать в другом месте. Он пока не знает, в каком, но вот именно в этом месте – не надо. В этом месте её надо закопать взад и обратно, и сделать, как было до раскопок. Наш пот и героические усилия были напрасны. Когда мы закапывали траншею, Роман благодушно объяснял мне:

– А их вообще ничего не волнует... я, как-то раз, грузил листы стекла в картонных упаковках... пупок рвал... а они, молодые лоботрясы, сидели рядом и пили кофе...

«Они» – это иностранцы, израильтяне. Мир Романа тоже разделился на «своих» и «чужих».

А Рома продолжал:

– Одно стекло вдруг съехало из упаковки... прямо мне на голову. И рассекло лоб. Кровищи было! Вот тогда они испугались! Но, когда поняли, что я жаловаться не собираюсь – сразу успокоились. Работай дальше, говорят. А вот когда «у них» кто-то палец дверкой автомобиля прищемил – неделю сидел на больничном. А ты только слышишь от них: «быстро, работа!». Как в концлагере.

А рядом – совсем другая жизнь. Траншея похоронена и забыта. Нас перебрасывают на другой объект. Мы ремонтируем забор вокруг теннисного корта. Стройные гибкие девушки в белых мини своим присутствием влияют на темп моей

работы. О таких нимфах я могу только мечтать – без гроша в кармане, одетый в грязное рваньё... вряд ли я заинтересую их.

Тренер в белом спортивном костюме обнимает юную теннисистку за талию и с улыбкой щебечет ей что-то на ухо. Несомненно, даёт ей наставления о технике крученной подачи.

Начинается дождь. В Израиле всё сведено к крайности, в том числе и погода. Переходных сезонов нет как таковых. Страшная жара летом становится менее страшной к ноябрю, а потом начинаются тропические ливни и пробирающие до костей приморские холода. Дождь начинается и за секунды превращается в водопад. А иногда и с ураганным ветром. Какие там зонтики! Если вы крепко держитесь за зонтик, ветрила вывернет этот ваш зонтик наизнанку и переломает спицы. Алюминиевый штырь с рукояткой согнется, чтобы отгонять собак. В ту пору, как в свое время вермахт под Москвой, я не был готов к зиме. Дождевая вода хлюпала в моих летних полуботинках и в карманах болониевой куртки. Удивительным было то, что спина и плечи куртки промокали насквозь, а вот карманы держали воду.

Именно в такую погоду нашу подвижную бригаду вызывали на ремонт крыш. Должен заметить, что с детства боюсь высоты, а тут воленс-неволенс приходилось карабкаться на мокрые скаты и искать дефекты покрытия.

Правда, однажды я залезть на крышу отказался – был су-

масшедший, неистовый ливень. Скат крыши был необычно крутым и совершенно гладким. Нас подняли к краю ската в специальной «чашке» для ремонта электростолбов, на уровне пятого этажа. Я честно пытался ухватиться за скат ладонями, но руки скользили, а поджилки тряслись. После официально заявленного мной протеста, на крышу ухитрился вылезти Хэйзи. Через полчаса он вернулся. Я ожидал его в «чашке» под проливным дождём. Моего иврита хватило, чтобы похвалить Хэйзи за храбрость.

Он спросил, подняв бровь:

– А здесь звона не было слышно?

– Нет... какого ещё звона?

– А мне там, на крыше, казалось, что у меня от страха яйца звенят...

Глава 6, в которой уже наступил февраль, а я заработал 50 шекелей за ночь и стал заместителем филиппинца

Я уже отработал в бригаде около месяца, когда мой друг Б. Г. (не Борис Гребенщиков!) нашёл для меня подработку. Тесть его шефа, престарелый израильтянин, загремел в больницу и нуждался в услугах сиделки. На роль сиделки выдвинули меня. В назначенный час я пришёл в больницу, на встречу с семьёй клиента. Сам клиент лежал тут же, между тумбочкой и монитором. Электронные капельницы монотонно попискивали. На мониторе чётко видны были признаки инфаркта.

Родственники посулили мне 50 шекелей за ночь, проведенную с любимым тестем. На тот период – очень неплохая сумма! Тем более, что все что от меня требовалось – давать дедушке пить или помогать ему перевернуться с боку на бок. Все прочие необходимые услуги выполнялись персоналом отделения.

Во время переговоров с семьёй я поддерживал беседу как немой Герасим – с помощью мимики и жестов. Суть разговора я уже понимал, но сходу складывать ивритские слова в предложения ещё не получалось. Полагаю, что со стороны,

моё «гуканье» выглядело потешно. Родственникам польстило, что рядом с дедушкой на посту бдит человек с дипломом врача, пусть даже и не говорящий. В ту ночь и клиент участвовал в моём обучении. Часа в два ночи он начал хрипеть и я расслышал:

– Пить!

– Не волноваться, – сказал я дедушке на иврите и наполнил его из специального поильника с носиком. После этого, дедушка почему-то захрипел ещё интенсивнее. «Уж не поперхнулся ли?!»

Я пытался похлопать его по спине. Я предлагал ему поесть, попить, повернуться на бок, сесть на горшок...

Дед продолжал сипеть, как компрессор и страшно таращил глаза. Я уже начал серьёзно беспокоиться и собирался позвать медсестру, как вдруг расслышал в дедушкиных хрипах:

– Надо говорить – «не волнуйся!»

– Ах, не волнуйся! Ну вот и не волнуйся!

Дедушка умиротворенно закрыл глаза и откинулся на подушки.

Целую неделю я добросовестно и глупо бдил около дедушки. Глупо – потому как спать мне никто не запрещал, а я, получая свои серебреники, из чувства долга сидел над клиентом не смыкая глаз, как сыч. И натурально, начал засыпать на работе в бригаде. Я засыпал, усевшись в кузов «пикапа» на мешках с цементом, засыпал, воткнув штык лопаты в зем-

лю, засыпал в автобусе после работы. В тот период я записался на вечерние курсы иврита и спал на занятиях. Через две недели курсы пришлось бросить, и я продолжил штудировать иврит дома. Из этих ночных бдений, тем не менее, развилось несколько любопытных сюжетных линий.

Линия первая – романтический блицкриг.

Моя первая работа на медицинской стезе подходила к завершению, поскольку дедушку-клиента собирались выписывать. В эти дни кто-то подбросил в почтовый ящик «вороньей слободки» письмо на мое имя. Именно подбросил, так как на красивом, добротном конверте отсутствовали штемпеля почты, а из данных адресата было указано лишь мое имя. Внутри конверта была написанная явно женским почерком одна единственная строчка: «Позвони мне, Яна», и номер телефона.

В тот же день я, скрепя сердце, разорился на телефонную карточку и набрал указанный в записке номер. Я не обдумывал предстоящий разговор заранее и не представлял, что и от кого могу услышать и что собираюсь ответить. Ответила, судя по голосу, пожилая дама. Запинаясь на трудных иностранных словах, я попросил к телефону отправительницу письма. Услышав в ответ длинное и непонятное предложение на иврите, я проигнорировал тревожные интонации в голосе дамы и просто повторил свою просьбу. Так мы беседовали несколько долгих минут и вдруг в трубке раздался голос молодой женщины. Она также не слышалась уми-

ротворенной.

– Что-что? Это Яна? Я плохо тебя понимаю – ответил я.

И тут она сказала нечто, что я прекрасно понял. Она сказала:

– Не понимаешь? Ну, вот когда подучишь иврит, начнёшь понимать – позвонишь ещё раз.

Простимулировав меня таким образом к изучению иврита, таинственная незнакомка положила трубку.

Линия вторая – заместитель филиппинца.

Дедушка-клиент благополучно выписался из больницы, но пожелал продолжить сотрудничество. Оказалось, что практически постоянно дедушку обслуживал некий филиппинский санитар Майкл. По мере надобности Майкла подменяла юная медсестра Настя, а мне предлагалась должность заместителя Майкла. На те случаи, когда Майкл и Настя по каким-то причинам отсутствуют. Настя рассказала мне, что дедушка иногда конфликтует с молодой женой Ривой (жене было 60 с копейками, а деду – все 80).

– Мы сидели в салоне, смотрели телевизор, – рассказывала Настя. – Рива, наверное, сама хотела посмотреть что-то, и говорит мне: «Всё, забирай деда в кровать». Дед стал артачиться, да бесполезно. Она телевизор отключила. Я отвезла его в спальню, стала перекладывать его на кровать, а он показывает глазами в сторону Ривы и говорит мне по-русски: «Вот щука!» Я не поняла сначала: почему щука? А он спрашивает: «А как будет самка собаки по-русски?»

Я говорю: «Сука?» Дед оживился, даже закудахтал: «Вот-вот, сука!»

Так мы и прозвали между собой деда – дедушка Щука.

Щука, оказалось, был выходец из Польши, отрубил 5 лет в ГУЛАГЕ, вдохновившись на лесоповале, наладил поставки древесины из СССР в Израиль и зажил припеваючи.

Теперь же жизнь его ограничивалась пределами квартиры, а главной экзистенциальной проблемой Щуки было удачно опорожнить кишечник.

Сидя на специальном пластиковом кресле с дырой в сиденье, Щука заметно волновался. Он мог сидеть в сортире час и более, а я (или Настя, или Майкл) должен был стоять рядом, прислушиваясь – не послышится ли плеск воды? Иногда Щука входил в раж, ёрзал, потел и хрипел, умоляя:

– Ну пожалуйста! Подними меня за подмышки и потряси! Может, выйдет...

Легендарное кресло с дырой, в не боевом положении имело выдвижной ящичек под сиденьем. По тревоге (когда Щуке чудились движения в прямой кишке) ящичек выдвигался, и кресло было готово к эксплуатации. Щуку переносили на кресло и везли в сортир. Однажды, Настя перепутала очередность действий, и по тревоге выдернула ящичек уже после того, как голый Щука восседал на кресле. Мелочь, не так ли? Бедный Щука сидел себе на кресле, предвкушая поход в сортир, свесив шары в отверстие... И тут усердная Настя выдернула ящичек. Ящичек не мог выдвинуться из-

под кресла, не ударив со всем своим пластиковым равнодушием прямо по висящим у него на пути причиндалам горемычного Шуки.

Настя клялась, что парализованный Шука подпрыгнул минимум на полметра и завыл. К Настиному удивлению, её не уволили после этого.

Кроме того, Шука любил принимать горячий душ (попробуйте, попарьтесь в обуви и в одежде в душевой, вместе с чужим дедушкой). А после душа Шука любил, чтобы его натерли массажным маслом, а между пальцами ног нужно было прокладывать ватные шарики. Уверяю вас, всё это – невинные мелочи по сравнению с тем, чем занимаются армейские психиатры.

Линия третья, о которой я расскажу в следующей главе.

Глава 7, в которой я совершаю головокружительный карьерный скачок

Во время ночных бдений в больнице, рядом с дедушкой Щукой, я познакомился с медбратом Эди. Эди пришёл на ночную смену. Он угостил меня кофе и беседовал со мной «за жизнь». Буквально на второй день нашего знакомства Эди загорелся идеей «устроить» меня на «ставку» в больнице.

– А чё тебе? Работаешь в помещении, с кондиционером, жрачка, зарплата нормальная...

По израильским законам, даже если ты дважды профессор медицины – медбратом ты работать не можешь. Врачом я работать тоже не мог – чтобы работать врачом, нужно было сдать госэкзамен, который, разумеется, я сдать не мог. Нужно было время – посидеть с учебниками и разобраться, что к чему. Поэтому трудоустроиться в больнице я мог только в качестве санитаря. Эди, как бы между прочим, «выловил» старшую сестру больницы, и мне устроили собеседование тут же, у постели Щуки, без всяких проволочек. Так началась моя карьера санитаря.

На следующий день, я с удовольствием сообщил своим коллегам по кирке и лопате о моём грядущем увольнении.

Был уже конец месяца и все согласились, что лучшего времени для увольнения не найти. Мне повелели ждать у конторы. Вскоре прикатил на шикарном авто подрядчик. Одетый в шёлк и бархат, как венецианский негодьянт, упитанный мужчина лет сорока выписал мне и Роману чеки на 1000 шекелей каждому. К моему сообщению об увольнении подрядчик отнесся мужественно, без истерики.

Роман поведал мне, что текучесть кадров у них очень высокая, и что молодняк, вроде меня, дольше двух недель обычно не держится. Эта моя ремонтно-строительная история не уникальна. Позже, я познакомился с историком, выпускником университета из Венгрии, который около года отпахал на настоящей стройке. Историк, таская по этажам вёдра с песком и цементом, приобрёл нечеловеческую силу в кистях рук и в ногах. Врач Дима драил по ночам полы в универмаге, другой врач Дима работал сторожем, врач Боря упражнялся в малярном ремесле, доктор Семён потрудился на укладке кабеля, ещё один доктор (ортопед) около двух лет работал столяром. Некоторые мои знакомые приехали в Израиль с дипломами врача и поняв, сколько времени и сил нужно «положить» ради подтверждения диплома, переквалифицировались на медбратьев (и сестёр), предпочитая реальную жирную синицу в руке, но сегодня. Среди таких оборотней был доктор, который переучился на трудотерапевта, а потом двинул из Израиля в Канаду. Известный профессор из мединститута (где обучался ваш покор-

ный слуга) по приезде в Израиль ухитрился устроиться лаборантом в гематологической лаборатории при больнице, да так и остался на должности лаборанта. Случаи, когда «русский» врач приехал в Израиль, быстренько сдал госэкзамен и начал работать врачом также известны, но они составляют, скорее, исключение.

Глава 8, в которой рассказывается о бойцах невидимого фронта, а автор задумывается о Боге

После интервью со старшей сестрой больницы я был приглашен приступить к работе в звании санитаря (в буквальном переводе с иврита – «вспомогательная сила»). Уже не помню – было это сразу после интервью или через пару дней. Для меня эта работа была очень важна, ибо чтобы худо-бедно начать «продвигаться», нужно было скопить денег. Я планировал вызвать в Израиль жену и пятилетнего сына, и поселиться с ними в «вороньей слободке» мне казалось неподходящей идеей. Съём отдельной трёхкомнатной квартиры требовал в те сказочные времена 400—450 баксов в месяц, не считая налогов и питания. Доллар стоил около 3-х шекелей.

Чтобы подтвердить лицензию врача, нужно было засесть за учёбу и положить все силы на экзамен.

«Все силы» – это значит деньги (которых у меня не было), всё свое личное время и всю силу воли, не отвлекаясь ни на что. Если у тебя во время подготовки будет рожать жена – ты будешь продолжать учиться. Поздравишь её по телефону и будешь учиться дальше.

А пока ты учишься – надо на что-то жить. Но, допустим, каким-то чудом я сразу же, «сходу» сдал бы экзамен. Тут

начались бы новые заморочки: без знания и официального, и разговорного иврита мне было бы нечего делать с этим прекрасным результатом.

Короче говоря, меня ждали во втором терапевтическом отделении в 7.00. Я вышел из дома почти за 40 минут – решил сэкономить на автобусе и пошёл пешком. Тогда я ещё очень плохо ориентировался в городе, прочитать названия улиц занимало время. Ни тебе улицы Ленина, ни проспекта «20 лет ВЛКСМ»... Всё какие-то Герцли да Вейцманы. Или ещё почище – Шешетаямим. И всё на нерусском языке написано. На одном из перекрёстков я задержал взгляд на названии улицы, при этом продолжая двигаться вперёд быстрым шагом. Повернув голову в направлении движения, в сантиметре от своего носа увидел фонарный столб. В далёком прошлом я играл в регби, и поскольку масса у меня неплохая, да и двигался я быстро – сносил защитников легко, даже крупных. Но вот со столбом я явно оплошал. Столб не дрогнул, а я припечатался к его серой твёрдой поверхности лицом, очки мои отлетели куда-то, и у меня заняло несколько минут, чтобы найти сначала очки, а потом найти правильное направление. Лучше бы я занимался боксом – был бы шанс увернуться от столь подло напавшего на меня фонаря. Из рассечённой брови вытекло немало крови, и в отделение я пришёл с залитым кровью лицом. Доложил старшей сестре отделения о готовности приступить к своим обязанностям. Она ахнула, подвела меня к зеркалу, очевидно, чтобы я по-

любовался своей неотразимой внешностью. Я, правда, ничего не рассмотрел, потому как очки тоже были заляпаны кровью и залапаны грязными руками. Меня за ручку отвели в приёмное, дежурный доктор заштопал мне морду лица и меня отправили домой, пообещав, что если я приду завтра целым и невредимым – начну работать. На следующий день я был внимателен, обходил столбы аккуратно и добрался на работу без приключений.

Меня закрепили за вёртким молодым йеменцем, который считался неформальным лидером санитаров. Впрочем, кроме него в отделении самцов не было, да и он вызывал подозрения. Я плохо понимал нюансы его вербальных интеракций с другими коллегами, но звучало это так, как будто между ними происходят постоянно какие-то базарные склоки. Кроме того, мой инструктор постоянно пытался трогать меня за плечо, за руку и чуть ли не поглаживать, пришлось в ответ на такие проявления симпатии так же по-дружески хлопнуть его пару раз по спине. От души и с улыбкой. После этого попытки физического контакта прекратились.

Работа санитаря в терапевтическом отделении сильно отличается от работы санитаря в России. На втором курсе я поработал санитаром, и мне было с чем сравнить. Не буду углубляться в профессиональные тонкости, скажу лишь, что за смену удавалось присесть только на 15-минутный обеденный перерыв, и ноги у меня всё время болели, особенно первый месяц. Я приходил домой, задирали ноги на стену и ле-

жал часок, пока не утихнет боль в пятках. Старшая сестра носилась по отделению с сигаретой в зубах, успевая контролировать всех (и врачей, и медсестёр, и санитаров, и уборщиц). Говорят, особо въедливые адмиралы во время инспекций на кораблях проводят пальцем в белой перчатке в разных эротических местах (в стволе пушек, под койкой у юнги). Старшая открывала парализованным старичкам подгузники, заглядывала им в глотку за гланды. И если находила где-нибудь грязь – экзекуция следовала незамедлительно.

По неопытности, я пришёл на работу в белых летних туфлях. Не то, чтобы у меня был выбор. Была у меня пара элегантных полуботинок и вот эти вот летние белые полусандалеты-полумокасины.

Утро началось так: меня завели в восьмиместную палату с парализованными старичками и предложили прокатить их всех по очереди в душ. Потом – переодеть, разумеется, и рассадить по креслам. Всё это предполагалось сделать быстро, и даже ещё быстрее.

Вам не приходилось поднимать из кровати парализованного 80-килограммового дедулю? И сажать его на кресло, а потом, влажненького (потому что есть места, которые вытереть в душе нереально), да, влажненького, пересадить на другое кресло?

Первый же дедок проделал мне тест на концентрацию внимания. Я высадил его на душевое кресло (на колесиках и с дыркой в сиденье), и мы резво помчались в душевую.

Только в душе я заметил, что мои белые штиблеты густо заляпаны экскрементами, которые, судя по изученным мною позже следам, на протяжении всего маршрута щедро валились через отверстие в сиденье прямо мне на ноги.

Этот небольшой инцидент повлиял на мою походку – придал ей эдакий морской стиль. Ноги на ширине кресла, переставляются по параллельным линиям. Кроме того, я понял, что когда лежачих больных резко переводят в вертикальное положение – жди сюрпризов. Были и другие сюрпризы. Были дедки, которые вдруг могли треснуть тебя здоровой рукой – тут, опять же, главное не зевать, понимать клиента с полувзгляда и со здоровой стороны к нему не подходить. Больше хлопот доставляли, однако, молодые пациенты (те, кому ещё не было 80-ти и которых ещё не стукнул «кондратий»). Те истошно орали по поводу и без повода, взывая к санитару, или же упорно названивали в звонок вызова.

Пролетели первые 2 часа беготни по отделению. Начинается следующий обязательный номер программы: «Раздача харчей».

По отделению, преодолевая угловое ускорение Земного Шара, ползёт буфетчица Сусанна. Бесформенное существо, со смуглым квадратным лицом. Сусанна толкает перед собой металлическую конструкцию с подносами. На подносах – одноразовые тарелочки с диетической пищей. Весь этот буфет медленно и громоздко двигается по отделению, а вокруг вьются санитары – хватают подносы и разносят паци-

ентам, возвращаются... Со стороны это напоминает кадры из «Звездных войн» – «Звезда Смерти», и вокруг неё снуют истребители.

– Санитар!

Бежишь на уже ноющих (после утренней помывки) копытах. Прибегаешь.

– Чего изволите?

– Что сегодня на завтрак?

Буфетчица Сусанна слышит этот вопрос и начинает бурно ржать.

– Я уже 20 лет здесь работаю, каждый день здесь на завтрак одно и то же!

На завтрак – омлет с грибами и пармезаном, салями, паштет из гусяной печенки с орехами, жареные в меду перепела, и недорогое 20-летнее «Шардоне».

Ну, я чуточку преувеличил, конечно.

Значит так: 20-граммовая баночка крем-чиз, малюсенькая баночка маргарина, хлеб, варёное яйцо и, в одноразовой тарелочке, нечто напоминающее манную кашку.

Сьюзи похожа на упитанного деревенщину-батрака, но общается с клиентами на 4-х языках, а ещё – ухитряется раздавать пищу, не отделяясь от буфета – за счёт умелой манипуляции санитарями.

Мне быстро объяснили, что манипулирование себе подобными – разновидность местного спорта. Поначалу, я не хотел конфликтовать даже с последней уборщицей, и мне при-

шлось побегать. Уже скоро по отделению гремело только мое имя. Правильно – кого будет звать клиент? Того, кто с большей вероятностью примчится на зов родного голоса.

После раздачи завтрака Старшина отсылает меня на подмогу в палату ИВЛ.

Там тихо. Там скучает медсестра и посапывают аппараты искусственного дыхания. На койках три трупа. Через электронные капельницы им дают жидкость и лекарства. Им закачивают питательные смеси через зонд прямо в желудок. За них дышит машина. Моча сливается по трубочкам в пакетик под кроватью.

Иудейская вера запрещает отключать покойника от аппарата ИВЛ, пока бьётся его сердце. А когда сердце устаёт – прибегают посланники господ (или сатаны?), привозят с собой электрическую адскую машину, бьют мертвяка электричеством – и вот, он уже снова попадает под категорию «живой». Хотя, по сути, он обычный зомби. Несколько раз возвращённый из ада и насильственно удерживаемый в Сансаре организм.

Я помогаю медсестре ворочать, обмывать и намазывать кремом разбухшие от отёков тела. На телах остаются углубления – следы от наших пальцев, и в них моментально набирается жидкость. Иногда тела начинают поносить, и они буквально плавают в смрадной жиже. В комнате становится трудно дышать, но мы, сдерживая рвотные спазмы, обмываем их и меняем им бельё. Впрочем, есть ещё одна, не менее

экстремальная процедура – обработка пролежней.

Я поворачиваю тело на бок и удерживаю его. Сестра снимает зловонные бинты. Открывается серо-зелёная глубокая рана. Практически, дыра, в которую можно спрятать кулак. Хирург невозмутимо кромсает гнилое мясо. Я стараюсь не дышать, потому что, боюсь, такой невыносимой жуткой вони мне не выдержать, и меня вырвет прямо на операционное поле.

И богохульные мысли посещают меня: если кто-то действительно верит, что Господь милосердный всё видит и всё знает – нужно бы привести его на денёк в эту палату, в хранилище живых трупов. Нужно бы показать ему милосердие Господа во всей его неумолимой, всеильной и беспощадной мощи.

Образ нейрохирурга овеян славой и возвышен в глазах публики. Но мой герой – рядовой и безликий общий хирург, который каждый день обрабатывает пролежни, задыхаясь от невыносимого смрада, и не получая за это признания, регалий, дорогих красивых бутылок. Его пациенты безмолвны. Его подвиги будничны, рутинны и безвестны.

Как-то раз, вместе с обдристанным бельём некой старушки я выбросил, не подумав дважды, и её запачканный калом чепчик. На мою беду, через несколько минут к бабушке пришли посетители. Не увидев на челе вегетативной своей бабушки чепчика, они пришли в ярость. Они кричали, размахивали руками и хватили меня за рубашку.

Бабушка уже несколько месяцев молчала, не двигалась, не моргала и только распухала от отёков. Видимо, моё деяние с чепчиком было расценено как надругательство над телом. Тщетно я пытался объяснить, что чепчик был обкакан – родня отказывалась верить таким басням.

– Она же чистая! Как она могла накатать до чепчика?

Я мог бы предложить им несколько возможных объяснений, но не успел. Пришла Старшина и грозно отправила меня в прачечную – разыскивать чепчик. А семью ласково увела к себе в кабинет. В прачечной меня ждали эвересты ещё не постиранного белья. Скользя взглядом по этим не столь романтичным вершинам, я понял, что чепчик потерялся безвозвратно. О чём и доложил начальству.

А с бабушкой этой произошёл ещё один забавный инцидент.

Мы, персонал отделения, только уселись поужинать, как вдруг заверещал монитор, сигналив о чём-то нехорошем. Мы помчались в палату ИВЛ. Кто-то бросился за адской машиной, кто-то начал вызывать врача. Мы с сестрой влетели в палату и увидели, что монитор выключен из розетки, вместо него воткнуто зарядное устройство мобильного, а хозяин мобильного, внучек, тут же трещит по телефону и не может понять, что это за беготня и суета вокруг его драгоценной бабули.

Глава 9. Страх и мерзость, но не в Лас-Вегасе

И всё-таки есть в жизни светлые моменты! Кто-то передал мне целую кучу ношенных шмоток. Всякие футболки, джинсы, рубашки. Часть вещей была просто в идеальном состоянии, и я носил их ещё несколько лет. И самое замечательное и невероятное – среди вещей оказался кассетный плеер с наушниками. Я раздобыл кассету «Крематория» – «Танго на облаке» и сборник «Кино», и ходить на работу в «Дом скорби» стало веселее.

Осталось переобуться. Белые мокасины абсолютно не подходили для моего рода деятельности – при помывке больных они сразу промокали, а к концу смены, после многочасовой беготни по отделению, невыносимо болели копыта. Поэтому в один прекрасный день я отправился на рынок, где, по словам знакомых, находился самый дешёвый в городе обувной магазин.

– Продавец там – перс, с ним надо торговаться. И можно реально сбить цену! – уверял меня пророк Гена.

Легендарный магазин оказался размером с маленькую комнату. Всё было заставлено коробками, оставляя тесные проходы для посетителей. Гирлянды обуви свисали с потолка, ящики с беспорядочно сваленной в них обувью разных фасонов и размеров громоздились прямо на земле перед вхо-

дом.

Уверяю вас, что фильм «Хищник» запросто можно было бы отснять в этом магазине. Без малейшей вероятности, однако, что Шварц смог бы отыскать там кого-то.

Дверь в магазин отсутствовала. В ящике с тапками энергично копошились какие-то тётки, продавца нигде не было. Остановившись на пороге, я осматривал эти кучи и гирлянды ботинок, тапок, кроссовок, сандалет, и дивился, как же хозяин бросил весь этот обувной клондайк на произвол судьбы.

Хозяин же, всё это время стоял неподвижно, на расстоянии вытянутой руки, слившись со штабелем полуботинок и наблюдая за своими жертвами.

Я вздрогнул, когда вдруг встретился с ним взглядом и осознал, что всего в метре от меня стоит живой человек. Человек этот был мал ростом, смугл, кучеряв и темноволос (а блондины, вообще, встречаются в Израиле нечасто). Поняв, что его «засекли», он немедленно отделился от своего товара и... я ожидал, что он бросится к кассе с криком «тук-тук за себя!», но он начал буквально извиваться вокруг меня и тараторить без умолку со смешным персидским акцентом. В руках у него появлялись всё новые экземпляры обуви, которые он совал мне под нос, демонстрируя подошву, шов, окрас, каблук, шнурки... Как истинный «совок», под натиском продавца я испытал инстинктивное сопротивление и сильное желание уйти со сцены. Но мне нужны бы-

ли кроссовки. О чём я и сообщил продавцу. Мне немедленно были предложены кроссовки за 500 шекелей. Сумма на тот момент астрономическая, для меня, разумеется. Заметив моё удивление, перс моментально извлёк другой экземпляр, очень похожий на предыдущий.

– 100 шекелей! Отличный ботинок! Крепкий! Новый! Смотри, какой шов! Я своему брату такие купил!

Торговаться я никогда не умел, но выложить за пару кроссовок целых 100 шекелей? Я просто не мог себе позволить такого расточительства. Чувствуя сильнейшую неловкость, я уже готов был ретироваться.

Но отделаться от перса было не так-то просто.

– Так что ты хочешь, получить кроссовки бесплатно? Я брату своему вот такие же кроссовки купил! Так и быть, забирай за 80! Просто ты мне понравился!

За 80 мне тоже было дорого. Цена снизилась до 60. Я вышел на улицу и побрёл в сторону «вороньей слободки».

Перс вырос передо мной как из-под земли.

– Забирай за 30! Всё! Последняя цена. Даром отдаю, терплю убытки! Я брату своему вот такие же точно кроссовки купил! Так и быть, забирай за 30! Просто ты мне понравился! Разорил меня! Оставил без гроша! Ты мне как брат, за 30 забирай – и всё!

С кроссовками подмышкой я отправился домой.

В салоне было практически безлюдно. Только за широким столом сидели люди, человек 10, не больше. Было уже около

4-х часов дня, на столе стояла полупустая двухлитровая бутылка «Белый орёл».

Шахматист Фима, стопроцентный кошерный иудей, рубал желтоватое сало, прикрывая шматок левой ладонью. Или он хотел скрыть свое деяние от взора Господа, или не хотел пробуждать излишних appetитов у присутствующих. Атлет Лёха рассказывал, как он продавал папины «жигули» перед отъездом в Израиль.

– Пацаны узнали от кого-то, что я уезжаю и продаю тачку. Приходят ко мне двое в кожанках и в белых носках. Оба здоровые, как слоны. (Тут нужно заметить, что сам Лёха по габаритам не уступал Шварценеггеру). Ну, давай, говорят, посмотрим твою тачку. Один сел за руль, я рядом, спереди. Второй «братан» сзади. Погнали. Скорость – 90, 100, 120... «Братан» крутит руль одним пальцем. Я уже обоссался конкретно, думал: «Скорей бы это закончилось!».

А он так позёвывает и говорит:

– Ну... и сколько ты за неё хочешь?

Я назвал цену, а он говорит:

– Многовато... Ты подумай, братан, подумай...

Короче, забрали за бесценно...

– Да ладно – тачку! – подхватил мотив Фима. – У меня квартиру так же точно братки купили! «Купили» – почти даром забрали! Пришли «посмотреть». Человек пять быков в кожанках. Походили по квартире и говорят:

– Ага, уют ты ещё не упаковал. Это правильно.

Потом уселись у меня в салоне и сидели, несколько часов объясняли мне, что жадничать нехорошо, что от жадности всякие неприятности бывают. Несчастные случаи в семье, родственники пропадают... Меня после этого визита мандражило день и ночь. Мандражило, пока в «Бен Гурионе» не приземлились.

– А меня по-другому развели! – вступил кто-то из гостей. – Мне кто-то сказал, что в Израиль лучше везти не деньги, а ковры. И электродрели. Ну, я половину бабок вложил в электродрели и ковры. Всё это богатство – в контейнер. Приехали. Я туда-сюда... Никто на мои ковры не кидается... Дрелей в магазинах полно, самых разных. «Бош» и всё такое. Я начал их в подарок друзьям раздавать. У кого день рождения – так я ему дрель или ковер... На Новый год, на Пасху... Всех одарил, да на балконе у меня до сих пор ещё несколько ковров гниёт...

Советское прошлое не отпускало нас даже на Святой Земле. Совковое прошлое дышало в затылок и наступало на пятки.

Но что же это я – всё о грустном да о грустном.

Наш общий друг, для конспирации назовем его Прометей (а для краткости – Митей), был одним из немногих обладателей автотранспорта. Кроме того, он был горазд на выдумки, и энергия его иногда зашкаливала за рамки обычного трёхмерного мироздания. Он не входил, но влетал в квартиру, швыряя ключи от машины в одну сторону, бумажник в дру-

гую, не пребывая в покое ни мгновения, что то выдумывая, модернизируя, мастряча. Уходя, метался по квартире в поисках бумажника и ключей.

Когда бы он не появлялся в «слободке», последствия чаще всего были экстраординарными. Так, пророк Гена, увидев воткнутый в дверной косяк нож, вяло замечал:

– А... Митяй приходил...

В тот день Митяй ворвался вольным ветром, разметав вялое застолье. Художнику Якову он пообещал найти покупателей на картину или заказчиков на портрет. А всему остальному населению слободки было предложено отправиться на пляж.

– Только бы жена не начала меня разыскивать – заметил Митя. К счастью, мобильные телефоны в те годы были БОЛЬШОЙ редкостью.

Обычный седан рассчитан на пять пассажиров средней комплекции. В седан Митяя в тот вечер набилось всё население «вороньей слободки» вместе с гостями, минус печальный плиточник Наум, минус свободный художник Яков, плюс две девицы без определенной профессии. Итого 12 человек. Авто рвануло с места. Жена Митяя поливала цветочки на балконе, когда прямо перед её безмятежным взором пронесся знакомый седан, из открытых окон которого торчали разнообразные члены, то есть части разных тел. На светофоре седан круто развернулся и помчался обратно, снова мимо изумлённой супруги.

– Кошелёк у вас забыл, – объяснил Митя. Поиски кошелька в квартире оказались безрезультатными.

– Погоди... – вспоминал Митяй. – Я вошёл в квартиру... и вышел на балкон... Точняк! Я их на балконе оставил!

На балконе тихо покрывалась коррозией стиральная машина. К ней-то и направился пружинистым шагом наш герой.

– Вот оно! – Митя торжественно ткнул пальцем в иллюминатор машинки.

– Блин, только Митяй мог бумажник в стиральную машинку забросить, – восхитился кто-то из зрителей.

Очень быстро выяснилось, что иллюминатор заклинило.

– Чья это машинка?

– Ленки...

– Прости, Ленка!

Прежде чем зрители успели осознать зловещий смысл этой короткой реплики, в руках у Митяя оказался топор, которым, ни секунды не медля, наш герой расколошматил несчастный иллюминатор...

Неизвестно, как бы отреагировали народные массы на подобное событие в другой ситуации, но в тот день пассионарность масс достигла критической точки, цель была ясна, Митяй стремительно мчался впереди с бумажником в руках. Зрители ринулись за ним, на бегу выкрикивая разнообразные междометия.

Супруга Митяя имела удовольствие созерцать пронося-

щеся мимо семейное авто в третий раз.

Далее события напоминали фильм «Страх и мерзость в Лас-Вегасе». Пассажиры седана пили тёплое пиво, потом теплую водку. Что-то кричали невинным англоговорящим туристам. Купались голышом в свете луны. Познакомились с группой каких-то молодых людей из Новосибирска. Карабкались по крутым склонам, цепляясь за чахлые растения и скатываясь кубарем по песку вниз. С кем-то собирались подраться или в действительности подрались, но слово «в действительности» было бы неуместным.

Когда же Митяй снова обнял штурвал своего авто, начался прилив, и в борт седана била чёрная ночная волна. Седан заводиться не желал и гордо начал погружение.

Дома я оказался в 4 утра.

В 6.30, не приходя в сознание, мой организм поднялся и отправился на работу. На работе я старался на сотрудников не дышать, хотя предосторожность эта была излишней. Повальное пьянство в те годы в Израиле было в новинку, и даже врачи-израильтяне частенько запах перегара принимали за запах ацетона и ставили поступающим в приёмное отделение алкашам всякие экзотические диагнозы.

Седан вытащили на следующий день с помощью буксира и трактора. Пассажиры вернулись к домашнему очагу без потерь, если не считать зарубленной стиральной машинки.

Особенности трудоустройства в Израиле – реплика из зала

– Нашёл я спортклуб. Я ж с 10 лет восточными единоборствами занимаюсь. Ментов тренировал. А здесь... помощник сантехника. Без израильского диплома – никуда не пролезешь. В спортзал инструктором – не взяли. В школу физруком – не взяли. В дом престарелых, старичкам уроки физкультуры проводить – не взяли. Полная жопа. А чтобы получить диплом – надо баблосы заплатить и закончить трёхгодичные курсы в Израильском Институте Спорта. А баблосы, сам понимаешь... Короче, в зале ничего нет, только груша висит. Трое ребят – Роберт, Славик и Рома. Роберт чемпион ***стана по тэквондо. Рома и Славик – какие-то крутые каратисты.

– Ну, поработай на груше, – говорят. Я поработал.

– Давай спарринг, – говорю. Спарринг не захотели.

– Ты нам подходишь – сказали. – Нам нужен надёжный парень, и чтобы не пиз*Ил много.

– Приходи в четверг, в 7 вечера, – сказали.

Ну, лады, жду четверга. Ровно в семь прихожу. Никого. Зал закрыт на замок. Подождал полчаса – и пошёл. Работаю дальше с сантехником – а чё делать? Потом встречаю в городе Славика. Оказалось, в тот четверг они на полчаса раньше меня пришли и их полиция «замела». Роберт и Рома хотели рэкет развернуть, уже успели на кого-то «наехать». Теперь «сидят». Славика отпустили, на него у полицейских ничего не было...

Глава 10. Путешествие рояля

Кажется, это было через пару недель после моего появления (я бы сказал – пришествия. Я ведь пришёл туда пешком!) в Воронью Слободку.

Публика вдруг взволнованно засобиралась куда-то. Как выяснилось, маман одной-из-не-проживающих-в-слободке-но-дружественных-нам-юных-особ (несложно обозначил, правда?) подрядила молодежь помогать с переездом. Переезжать предполагалось из центра Израиля в Нацерет (или Назарет).

Маман гарантировала участникам перевозку туда и оттуда, банкет по окончании акции и бессмертную дружбу по окончании банкета. Перевозить предполагалось домашний скарб.

Охваченный массовым психозом, я оказался втянутым в эту, совершенно бесполезную для себя, авантюру. В процессе переезда я ещё и понес невосполнимый для себя ущерб в виде китайских кроссовок.

Кроссовки были привезены с географической родины, были совершенно новые, «ненадёванные» и пахли ещё заводской краской (или какой-то другой синтетической дрянью). В процессе многочисленных подъёмов и спусков по ступенькам в тот день, кроссовки начали отторгать от себя кусочки подошвы и расслаиваться. Возможно, так приня-

то в Китае – чтобы кроссовки размножались почкованием. Я был немало удивлен, так как такое случилось со мной впервые. В Раше, например, я носил совдеповские ботинки годами и без видимого ущерба. Но не было времени на сантименты, подлые крошащиеся кроссовки были забинтованы наспех клейкой лентой, и я продолжил работу.

Не помню, как это произошло, но только в руках у меня оказался вдруг край рояля. Со всех сторон рояль облепили труженики-добровольцы и, с прибаутками и бурлацкими стонами, начали проталкивать инструмент из салона в коридор. Пухлая Маман порхала вокруг нас, уговаривая соблюдать максимальную осторожность. Прекрасно помню, что первая отделившаяся от рояля панель была тёмно-вишнёвого цвета, под старое дерево.

Маман вскрикнула, как при приступе почечной колики, и работяги стали двигать роялем с заметной осторожностью, но нас стало на одного человека меньше, ведь панель вишнёвого цвета сама же в лифт не пойдёт же.

Путь наш, от салона до лестничной клетки, был орошён потом и усеян частями рояля.

Заканчивал перевозку рояля ваш покорный слуга в гордом одиночестве. Мои ретивые коллеги исчезали один за другим, а когда и по двое, унося вниз очередную отделившуюся от инструмента деталь. Маман судорожно вздыхала и постанывала. Медные педали, деревянные с войлоком молоточки, белые клавиши и чёрные дизезы – все останки были

собраны в целлофановый пакет... и таков был грустный итог.

Я почтительно вручил хозяйке тяжёлый, бряцающий потрохами рояля, пакет. К чести её будет сказано: она не устроила нам сцены и условия контракта выполнила. Уже в Нацетете, в новой и заваленной коробками и узлами квартире, сидели мы за столом, и помню, что есть и пить мне совершенно не хотелось.

– Чудак ты, – сказал, наливая себе стопарик, лобастый парень по кличке Свин. – Ну, хотя бы, выпей, давай...

Свин считался знатоком израильского быта и, кроме того, если верить слухам, пил с Шевчуком и Гребенщиковым. Не знаю, пил ли он с ними вместе или поврозь, это уже другая сказка.

Глава 11. Морские сюжеты

Сюжет первый.

В первые же дни своего появления в Израиле я посетил пляж. Был январь, пляжный сезон, понятно, уже закончился (или ещё не начался?), но на пляже былолюдно. Приятный холодный ветер нёс запах йода. В старой, почти утонувшей в прибрежном песке лодке целовались подростки. В приморских кафешках мельтешили официанты, лавируя среди застывших с крошечными чашечками «эспрессо» клиентов.

Потратить 5 шекелей на чашку кофе было для меня невысказанно, даже когда я уже продвинулся из разнорабочих пролетариев в надменную касту санитаров. В 10 метрах от кромки прибоя стояли турники, и там я отводил душу после тёмных коридоров и зловонных больничных палат. Кроме того, море обладает магическим действием после определенной порции пива. Можно сидеть на кромке воды, вытянув ноги в Средиземное море, закопав банки с пивом тут же, на расстоянии вытянутой руки, и любоваться закатом. Ночью на пляже кипит жизнь. Ночная, конечно же. Толпы «поддатых» молодых (и не очень) людей вяло перемещаются вдоль берега, в поисках лёгкой любви и прочих приключений. В 4—5 утра жертвы ночной романтики измученно плетутся в город, а некоторые остаются лежать в светло-жёлтом песке. Закрываются кафешки. Пляжная жизнь

вступает в новую фазу – появляются толпы бегунов, в основном, пенсионного возраста. Возникает атмосфера рекордов и успехов. «Спартак – чемпион» и «Динамо» бежит.

Первым своим израильским летом я бывал на море нечасто – больница сжирала много времени и сил. Я работал по 10—13 смен в неделю, да ещё был период, когда брал дополнительную работу (пас старичка Шуку, брал ночные смены в доме престарелых).

Как-то раз, невероятно жарким летним днем, я возвращался с рынка, гружёный дешёвыми апельсинами. Вдруг мир вокруг меня изменился: всё застыло. Пешеходы, машины – все замерло. В душном, горячем воздухе раздался какой-то пронзительный монотонный вой. Я тоже остановился, не понимая – что происходит?

Когда мне уже начало казаться, что я сошел с ума – вой оборвался и всё, как ни в чем не бывало, пришло в движение, забегало, замельтешило...

Позже мне объяснили, что эта была сирена и минута молчания, когда каждый останавливается там, где его застала сирена, и стоит, очи долу, поминая врагов Израиля и тех, кого эти враги отправили на тот свет.

При чём здесь море? А вот при чём.

В тот же день, а точнее вечер, мы с Митяем набрались пивом и отправились на поиски приключений. Мир после пива приобрёл волшебную-романтическую ауру. Море звало и манило. На набережной Митяй «отрывался по-полной»: он

задирал прохожих и требовал у продавца в ларьке ещё пива. Митяй бил кулаком по прилавку и грозно рычал:

– Подать мне две бутылки пива «Гольдберг»!

Продавец, перепуганный Митиной экспрессивностью, прятался бочком за холодильник и лепетал:

– Пожалуйста... но у меня нет пива «Гольдберг»... У меня есть «Гольдстар» и есть «Карлсберг»... пожалуйста...

Набравшись ещё пивом, мы, естественно, спустились на пляж. Начинало темнеть, воздух по-прежнему был горяч и вязок. На берегу нас удивило огромное количество людей, контрастирующее с совершенно пустой акваторией пляжа. Хотелось окунуться в море, и мы, сложив одежду на песок, залезли в воду, не обращая внимания на многочисленную публику. На воде покачивались какие-то поплавки. Через несколько минут, над нашими пивными головами начали взрываться петарды и прочие чудеса пиротехники. Толпа любовалась фейерверком. На пустой чёрной поверхности моря, озаряемые вспышками салюта, покачивались две пьяные рожи. Неужели один из них я?..

Сюжет второй. Где-то в начале 21-го века.

Давно терзала меня идея пойти на море. Выйти рано-рано, пока все ещё спят. Побродить по берегу, найти прекрасную ракушку или даже что-то покруче. Например, какое-нибудь красивое полено. Судьба каждой попавшей в море деревяшки – быть выброшенной на берег. Утаскиваешь эту деревяшку домой, как трудолюбивый муравей, берёшь и вы-

стругиваешь из неё комод под ретро. Или можно найти бутылку из-под ямайского рома, а в ней письмо – «Ямайская девушка желает познакомиться с мужчиной до 40, атлетического телосложения, глаза серые, рост 175, вес 82, разведенным, с ребёнком и без вредных привычек. Наличие квартиры, машины и денег в банке – значения не имеет. Необходимое условие – любовь к спорту и к тяжёлому року».

Хотя... на фиг мне нужны эти ямайские девушки? Ездить далековато... Да и ваще – поздняк метаться. Где были эти самые девушки год назад, когда я страдал от одиночества и чувства безысходности? Они жрали свой ром прямо из горла и балдели под Боба Марли. Во-первых, есть «аська» (Да-да! В те тёмные времена люди переписывались ещё с помощью ICQ – более позднее примечание) и, стало быть, бутылка – безнадёжный анахронизм. Правильно будет письмо выкинуть, а бутылку сдать. Во-вторых, бутылочная такая переписка опасна не менее, чем «аська». Переписываешься ты эдак с прекрасной ямайской незнакомкой. Представляешь, как выходит она на южное побережье и ждет письмецо из Израиля в бутылке из-под водки «Кеглевич». Она пишет тебе: «Приезжай, милый, к нам в Кингстон», а потом оказывается, что это какой-нибудь хамасовец Абу Азам из Газы.

В коммунистическом моём детстве, помнится, переписывались советские дети с детьми из Болгарии. Отправляли конвертик с адресом: «Болгария, София, любому мальчику или девочке». Ничего хорошего из этого не получилось –

где теперь Страна рабочих и крестьян?! Короче, давно собирался я пойти на море до рассвета, но была одна маленькая техническая проблема – всю неделю я должен просыпаться в 5 утра, и оказалось, что проснуться в это же время в выходные – выше моих сил.

Но вот долгожданный День Охоты за сокровищами наступил... Правда, проснулся я не в пять, а в шесть. Не встал с постели, а просто подорвался. Говорил мне брат: «После пяти нет смысла туда ходить – всё уже подобрали...».

Я съел «на ходу» банан, надел кроссовки, захватил плеер...

Полный романтического вдохновения, помчался к морю. Первое маленькое разочарование постигло меня неожиданно скоро: плеер оказался без батареек. Напрасно предвкушал я насладиться чистым искусством «Judast Priest», прогуливаясь у кромки прибоя...

Хорошо, что хоть сам прибор оказался на месте. Солнце ещё не взошло. Ветер был лёгкий и свежий. Пахло йодом, водорослями и морскими приключениями.

Второе лёгкое разочарование наступило, как только я домчался до пляжа: стало понятно, что не один я такой любитель утренних морских приключений. Народу на берегу оказалось меньше, чем на центральном проспекте имени Герцля города Н. Немного меньше. Две толпы двигались по берегу: одна – на север, другая – на юг. Самый молодой из этих пешеходов был старше меня лет на 100. Мне показалось,

что к запаху йода и водорослей начал примешиваться запах Дома Престарелых. Запах предопределенности бытия. Терминальности сущего. Морга. Формалина. Показалось, что в толпе мелькают пьяные санитары, патологоантом и похоронный оркестр.

Нарушив нить весёлых размышлений, чуть не налетел на меня дедушка-спортсмен. Пыхтя и отдуваясь, он маршировал, пробуксовывая по песку. На лысом черепе развивались уцелевшие в бурях седые волосы. Красно-фиолетовые пятна на бледной шелушащейся коже говорили о плохо подобранных антикоагулянтах. «Прямо с пляжа – в реанимацию».

Меня обогнали две необыкновенно толстые бабушки. Изпод игривых купальников свисали килограммы дряблого жира. До меня долетел обрывок фразы, произнесенной резким и капризным тоном: «...такая лентяйка! Я сказала ей: я плачу тебе за три часа уборки! Даже если ты заканчиваешь за час – скажи, я найду тебе ещё работу!...» Увлечённые беседой, они шлёпали ногами по кромке воды. Ласковые волны омывали их слоновые стопы.

Что ж... В тот день не нашёл я, увы, ни красивых ракушек, ни ямайских бутылок, ни сокровищ Агры. Влажный песок у кромки прибоя весь был изрыт стариковскими остеоартрическими копытами. Я побрёл обратно. Мои следы на песке терялись и появлялись вновь, и переплетались со следами старичков. А потом я перестал различать их.

Глава 12. День санитаря. Утро

Коммерсанты да идеологи напридумывали для нас, мелких потребителей, всевозможных праздников. По правде говоря, скорее не столько для нас, сколько для самих коммерсантов да идеологов. Чтобы управлять нашими умами и кошельками. А то получается, что средний потребитель лишь 2—3 раза в год тратит деньги на подарки, выпивку да угощение. А если уж праздник совсем «левый», то есть, фальшивый, то соц. сети уговаривают тебя отправить виртуальную открытку или виртуальный подарок. Хотя деньги за виртуальные услуги берут совсем не виртуальные.

Так появился День Бастилии, День работников пищевой и лёгкой промышленности, День доярки, День системного администратора. Есть День Дураков и День Влюбленных (нужно было бы поставить их рядом).

Я расскажу вам про день израильского санитаря. И это не имеет никакого отношения к праздникам, уж поверьте.

Просыпаешься в крошечной тьме. Смехотворная израильская зима может быть весьма и весьма промозглой, особенно ранним утром. Постройка здесь ориентирована на летнюю жару – большие окна, тонкие стены, полы каменные, центрального отопления нет. Квартиры с минимумом внутренних дверей, да и те плохо подогнаны. Сократим сказку – ранним зимним утром вылезать из теплой сухой кровати

в холодную и влажную окружающую реальность... ох, как не хочется!

На улице всего лишь +10, но льёт дождь, сказать «как из ведра» – явное преуменьшение. Дождь хлещет яростно, как будто хочет смыть государство Израиль к ёдрене фене. Ветер гнёт пальмы. Хорошо, что на них нет кокосов – было бы обидно получить кокосом по черепу. И лежать потом с травмой черепа в холодной луже, под проливным дождём. Как Лермонтов Михаил Юрьевич. В смысле, под дождём лежать. Убило-то его не кокосом, разумеется. Маленький кусочек свинца трагически и безвременно оборвал жизнь столь юного дарования... Ах, если бы не коварный Мартынов... Ах, если бы он не погиб так рано... Наверняка был бы жив-здоров и по сей день...

Что-то я опять ушёл от темы.

Речь шла о кокосах, кажется? Кокосом по репе. Или по тыкве. Тротуары после дождя усеяны такими вот, безвремен-но погибшими, кокосами. Были бы. К огромному счастью, кокосов-то ведь никаких у нас нету, разве что в магазине.

До больницы – полчаса энергичной ходьбы. Заткнув уши наушниками, в которых надывается Шевчук, прикрыв биологическую оболочку болониевой, санитар галопирует на работу. Там, сонные, разомлевшие от отопления, ночные санитары и санитарки ждут меня. Они сжимают в мозолистых руках свои магнитные карточки, чтобы «отбить» их ровно в 7.00 и ринуться по домам.

Там обкаканные пожилые леди и джентльмены ждут меня. Ретивые медсёстры ждут меня. И вот я пришёл. В самой вонючей палате лежачих больных дедушка Шмуэль ухитрился освободить от вязок правую руку. Этой правой рукой он давеча страшно озорничал. Давеча поутру предстал пред его ясны очи доктор Махмуд. Знатный анти-сионист и большой любитель чистоты – этот доктор Махмуд. В столовой, например, перед едой, он чистую посуду обязательно ополаскивает кипятком. Руки он моет несчётное количество раз, и дверь всегда открывает локтем... в общем, водятся за ним всякие-разные чистоплюйские выкрутасы. Ритуалы, то бишь. Так вот, стало быть, предстал, сверкая своей чистой розовой лысиной, доктор Махмуд пред дедушкой Шмуэлем. Предстал, дабы взять кровь у дедушки у Шмуэля на анализ, из дедушкиной паховой артерии. Это нужно иногда. Технические подробности опустим. А дедушка-то Шмуэль уже давненько жил на автопилоте. Головушка-то его, с благородными сединами и твёрдым небесно-голубым, как у святого или пророка, взглядом, давно уже изнутри была поедена молью (или деменцией, одно из двух). Так что дедушке-то Шмуэлю, между нами, было безразлично, кто перед ним: санитар, доктор Махмуд, просто Махмуд или сам министр здравоохранения. Дедушка на внешние раздражители реагировал рандомально. И вот, стало быть, доктор-то, Махмуд, обнажил у Шмуэля интимные места и склонился над его чреслами, нащупывая пульс в дедушкиной паховой артерии. А дедуш-

ка-то Шмуэль глядит на доктора ласковым небесно-голубым сиянием и громко читает откуда-то всплывшее из уцелевших нейронов благословение. И гладит доктора Махмуда, гладит его по розовой блестящей стерильностью лысине. И гладит, и гладит... Доктор Махмуд берёт кровь, прижимает дедушкину артерию ваткой и выпрямляется. И стоит, и прижимает артерию; две минуты, как минимум, положено прижимать. И видит, уже выпрямившись, доктор Махмуд, видит руку дедушки Шмуэля, ту самую благословляющую руку, которой гладил его дедушка по розовой Махмудовской лысине. А рука эта, робяты, вся в шоколаде. Но, что за чёрт, думает себе доктор Махмуд, откуда у дедушки **СТОЛЬКО** шоколада?! И продолжает стоять и героически прижимает артерию дедушки, ровно две минуты. Но понимает уже, что помазали его по лысине вовсе не шоколадом... И бежит доктор Махмуд к раковине. И в зеркале, что висит над раковиной, зрит доктор на розовой своей лысине экскременты. И был это настоящий сюрприз для доктора Махмуда, доложу я вам. Уж не знаю – как долго и какими химическими средствами отмывал доктор Махмуд свою лысину, но была она ярко-красной в тот день.

Привязали, однако, дедушку Шмуэля не за это. А привязали его за то, что он, опять же, рандомально, ухитрился кого-то треснуть этой своей непарализованной рукой, перевернуть поднос с едой, оборвать занавеску, опрокинуть тяжеленную металлическую тумбочку, и бог знает что ещё бы он

натворил, если бы не бдительность санитаров. Но то было вчера. А сегодня...

Вот я стою в дверном проёме этой самой вонючей палаты, и вижу я. Вижу я дедушку Шмуэля, сохранившего аристократическую осанку, благородные седины, твёрдый и ясный голубой взгляд святого или пророка. И в руке его большая, как колбаса, какашка. И дедушка Шмуэль колбасу эту смачно кусает и кушает. В жизни моей было всего раза четыре, когда мне было трудно побороть рвотный рефлекс (алкогольная интоксикация не в счёт). Первый раз – в городском ожоговом центре, в конце 80-х, в светлые годы прекрасных и мудрых горбачёвских реформ. Когда, к примеру, в ожоговом центре не оказалось ни антибиотиков, ни анальгетиков. Когда перед группой зелёных студентов привели в манипуляционную молодую женщину с обширным паровым ожогом, и когда сестра милосердия рванула, без лишних разговоров, присохшие к грудям бинты, и обнажились серо-зелёные и ярко-красные куски мяса, и хлынула зелёная слизь, и молодая женщина с изъеденными гнойными свищами грудями заорала нечеловеческим голосом...

Ну, довольно романтики. Передо мной стояла чёткая задача: какашку – отобрать, дедушку – помыть и привязать. Постараться, при этом, чтобы дедушка меня не поймал бы и не замарал бы. И нужно было торопиться, так много ещё разных чудес ждёт меня впереди. Половина отделения, как минимум. Так вот, стоял я перед дедушкой Шмуэлем, раз-

мышляя о суетности бытия. А он продолжал откусывать кашку. И седая благородная борода его приобрела шоколадную окантовку вокруг рта. Зачем-то я спросил его:

– Ну что, вкусно?

И тут он удивил меня удачным ответом:

– А ты что, тоже хочешь?

А дальше... Стивен Сигал оценил бы элегантность моих движений. Какашка была изъята, пациент – помыт и фиксирован, санитарский мундир остался незапятнанным.

Дверь палаты широко распахнулась и впустила толстое тело медсестры Моны. Белый халат трещал на мощной груди и ягодицах. Мона была недалёкая, некрасивая и недобрая молодая женщина бухарского производства. Голос у неё был грубый и хриплый, а манеры – как у невоспитанного и голодного беспризорника.

– Ну, чё ты тут возишься?! Быстрее давай, давай быстрее, ты же доктор!

Факт моей формальной медицинской квалификации не давал Моне покоя. Частенько, требуя от меня срочно, бегом, принести ей что-то с кухни, со склада, или просто вытереть задницу больному, она добавляла «доктор» и радостно кудахтала. Не одна Мона этим грешила. Есть люди, которые не могут чувствовать себя полноценными, не унизив другого.

Кто-то даже сказал мне:

– Вы же там *все* купили себе дипломы, вот и не можете

здесь экзамены сдать.

– А ты поезжай в Москву и тоже купи себе диплом, что ты время-то зря теряешь? Тоже будешь доктором.

Пререкания с медсёстрами, однако, занятие небезопасное. Можно задеть нежные чувства медсестры неосторожным словом. Слово ведь бьёт сильнее пули. Слово бьёт сильнее пули, а рикошетом может «снести» санитаря. Ибо, к примеру, толстая и ленивая медсестра Мона работает в больнице уже много лет, уволить её практически невозможно, и, в случае конфликта, администрации больницы намного проще избавиться от вздорного эмигранта, нежели разбираться кто-кого-как обидел. Да и уровень иврита не позволил бы мне спорить или объясняться с кем-либо.

Мона была далеко не худший вариант. Старшая сестра Дэми Вахмистр, например, была куда хлеще. Её родители приехали из Прибалтики в 70-х. В семье Дэми все приехавшие в Израиль после 70-х считались быдлом и проходимцами. Вдобавок к такой милой установке, бедняжка Дэми в детстве перенесла менингит. Не знаю, какой бы у неё был характер, не переболей она менингитом. Возможно, она была бы милейшим человеком. Я встретился с Дэми уже после того, как с ней встретился менингит. Лет через тридцать после. Это была высокая тощая особа с короткими овечьими кудряшками и весело-придурковатым взглядом. До общения с санитарями она не опускалась, а вот «русским» докторам частенько портила кровь на обходе, выговаривая им

при всех:

– Доктор Алекс! Вы что это выписали больному? Вы что, не знаете что у нас нет «аспирина», а есть «микрופирин»? В России вас этому не учили? Понаехали тут недоучки всякие!

Доктор Алекс пыхтел и краснел, и пытался отстаивать свою честь на смешном, примитивном иврите. Но у кого есть время и терпение выслушивать косноязычного?! Вот доктор Трэвис – другое дело. Доктор Трэвис прибыл из Австралии 10 лет назад и на иврите не говорил вообще, не успел выучить. Он изъяснялся на английском, и его слушали благоговейно. В общем, Дэми публично срамила братьев-славян, но и для неё нашлось противоядие. Оказалось, что Дэми унаследовала от родителей зачаточные знания русского языка и страшно любит когда при ней ругаются матом.

– Да не может быть! – не верил Алекс.

– А ты попробуй, в следующий раз обматери её, – советовал опытный санитар Эдик, ухмыляясь.

Во время очередной публичной экзекуции доктор Алекс набрался смелости и вдруг выпалил:

– Да пошла ты на *уй, Дэми, п*зда ты драная!

Дэми уставилась на Алекса круглыми птичьими глазками и вдруг заржала. Именно заржала, кобылой. И придирааться к Алексу перестала. Видимо, все ж таки, менингит не прошёл бесследно, потому что потом она время от времени цеплялась то ко мне, то к доктору Алексу и просила:

– Ну, скажи что-нибудь матом!

И, услышав матерщину, Дэми радостно ржала, румянилась и сладострастно сопела. Возможно, с ней происходило и ещё что-нибудь, кроме сопения и покраснения. Про то не ведаю.

Вот я опять отклонился от темы, а утро даже ещё не началось.

Потных, обкаканных и описанных пациентов аккуратно высаживаю на помывочное кресло, завожу в душ, быстро купаю, вытираю, переодеваю и возвращаю в палату. Всё просто. Главное – быть бдительным. Чтобы высаживая туда-сюда упитанных паралитиков, не надорвать спину, не уронить клиента, не получить от клиента в репу, не дать себя обкатать, и сделать всё быстро и элегантно. Одно «но». Если всё сделать быстро – вовсе не означает, что пойдешь отдыхать. На второй половине отделения работает такая же «двойка», санитар и медсестра. И если ты закончишь работу раньше их – пойдешь на их половину помогать, иными словами, будешь наказан за хорошую работу. Впрочем, в любом случае, прохлаждаться не дадут.

Вот бабушка Рива, последняя в «лежачей» палате. Несколько дней она орала практически без перерыва, орала нечеловеческим голосом, и только «фенерган» с «галоперидолом» «по вене» её успокаивал ненадолго. Я поприветствовал бабушку и, откинув одеяло, взял её за костлявое плечо. Плечо её было твёрдым, как мрамор. И такой же мраморной

температуры.

– Что-то она у нас совсем замёрзла... – сказал я Моне.

Мона вытаращила на меня глаза:

– Как это – замёрзла? Она ж под одеялом была!

– Ну, наверное, нужно ещё одно одеяло... Вон то – си-
нее...

Синюю синтетическую ткань у нас использовали для упаковки трупов. Трупы в Израиле не вскрывают, для вскрытия требуется специальное разрешение от соответствующих органов. Поэтому умерших в больнице просто упаковывают в синий синтетический брезент, приходит батюшка и утаскивает их в морг. Израильский морг, кстати, отличается от русских моргов своей эстетичностью. Никаких там тебе столов и заштопанных мертвяков. Стена, в ней никелированные дверцы холодильных камер, внутри по полочкам разложены клиенты. Одна дверца – одна полочка – один клиент. Чистота и порядок.

Под бабушкой Ривой оказалась лужа крови.

– А ну ка, поверни её, – скомандовала Мона, намереваясь обтереть бабушку со спины мокрой губкой.

Я взял мраморную бабулю за плечо и повернул её на бок, лицом к себе. Бабуля булькнула горлом и изо рта её хлынула бурая жидкость. Вытекло литра три, не меньше.

– Ты что творишь?! – зашипела на меня толстая Мона. – Ты же доктор?!

– Эх, Мона... Почему ты не Лиза?

– Нам теперь придётся её целиком мыть!

Мона явно расстроилась, но выхода не было. Не оставлять же в палате труп в луже крови. По крайней мере, Рива теперь не пожалуется, что вода холодная, по морде тебе не треснет, пока ты вытираешь ей ноги, и орать не станет. Упокой, Господи, её душу. Через минуту после помывки прискакал батюшка в чёрном плаще и уволок тело в свои никелированные угодья.

Вот помыт, одет и причёсан последний пациент. Начинается раздача завтрака, и ты опять на бегу. Поднос-туда, поднос-сюда. А кроме того, нужно покормить тех, кто не в состоянии кушать самостоятельно.

И уже болят от беготни санитарские копыта, а день только начинается.

Вот в на середину палаты выехал в кресле дедушка Гриша. Наш, русский дедушка, Григорий Моисеевич Кугелаггер.

– Здоров, Григорий, – говорю. – Кушать подано!

Не подумайте, что панибратствую, боже упаси. В Израиле никого не называют по отчеству, нет такой формы обращения, и формы «вы» тоже нет.

А Гриша внимательно глядит в потолок и отвечает мне задорно:

– Слышь, Женя, принеси мне куртку!

И переводит взгляд в мою сторону, но глядит не на меня, а куда-то ЗА меня. А за спиной моей стена и дверной проём, но нету там никого. Да и я – вовсе не Женя.

И продолжает старик Григорий разговор.

– Мне б только подняться...

– И что тогда?

Он тычет в потолок:

– Груши видишь какие? Груш бы себе нарвал... Куртку мне принеси!

У меня нет времени беседовать с Гришей на сюрреалистические темы. Я передаю старшей сестре информацию о грушах на потолке 106-й палаты и продолжаю свой галоп по отделению.

– Эй, доктор! – орёт на весь коридор Мона. – Сгоняй-ка на кухню по-быстрому, нужно ещё салат из авокадо принести!

На кухне кипит работа. Дородная женщина месит руками салат из авокадо в огромном тазу. Помесив несколько минут, она тщательно вылизывает руки, обсасывает каждый палец и вновь продолжает месить салат. Сдобренный слюнями салат отгружается по отделениям, и вот, пожалуйста – требуют добавки!

Бегу обратно, навстречу мне по коридору бежит дед Григорий.

– Эй, ты куда?

– Я туда не вернусь, там одни фашисты!

Возвращаю Григория в отделение. Бегу в лабораторию, навстречу мне, с улицы, степенно вступает дед Григорий. Он уже успел покинуть отделение через окно, заметил, что

и на улице полно фашистов, и решил вернуться. Спрыгнув со второго этажа, восьмидесятилетний старикан ухитрился ничего себе при этом не сломать.

– Григорий, да ты просто спайдермен!

Григорий отвечает мне длинной тирадой на идиш.

– Геен, геен, – отвечаю я ему и возвращаю Григория в отделение. Там его уже поджидает психиатр – высокая эффектная женщина-вамп. Под небрежно наброшенном на плечи халатом элегантный костюм, впрочем, не скрывающий форм. Дабы не превращать дневник в порнографию, не стану углубляться в детали. На запах «Кензо» слетелись не только доктора мужского полу, но и санитар из соседнего отделения и водитель больничного микроавтобуса.

– Поди-ка сюда!

Это мне. Старшая сестра ставит передо мной боевую задачу:

– Уходит «ходячий» больной из 110-й палаты. Его кровать, тумбочку и кресло рядом с тумбочкой надо помыть дезраствором (Chlorhexidine Gluconate 1,5% + Cetrимиде 15%, если кому-то интересно), на его место «поднимают» нового пациента. Чтобы всё было готово за 5 минут!

Я знаю, что Старшина придёт потом проверять качество исполнения, и будет заглядывать в тёмные углы, и водить пальцем по самым нижним панелям тумбочки и кровати. С креслом проще – там только протереть спинку, сиденье и подлокотники.

«Ходячий» больной уходить не собирался, однако. Это был настоящий даунообразный монголоид североафриканского происхождения. Он лежал на кровати и скандалил:

– Что, вышвыривают меня?! Не выйдет! Мне идти некуда! Не встану с кровати!

Прибежала старшая. Лестью и посулами ей удалось вывести монголоида из палаты. Но вытурить его из отделения не удалось. Он долго ещё шумел в коридоре, пока охранник не выволок его за локоть.

До обеда оставался ещё час и меня отправили помогать в реанимационную палату. Там всегда тихо. Посапывают аппараты ИВЛ, попискивают монотонно мониторы, скучает юная медсестра Лора. Закрываем дверь и занавес, начинаем помывку живых трупов. Я ворочаю тело «на себя» или «от себя», а Лора обтирает их влажной мочалкой, меняет подгузники, натирает их кремом. В процессе работы выясняется, что на Лоре отсутствует лифчик. Уловив мой взгляд, она выпрямляется и с торжествующей улыбкой начинает позировать, выставя свой бюст в самом выгодном ракурсе. Вот чертовка!

Раздача обеда. Опять беготня с подносами по палатам, болят копыта, и ты стараешься при каждой возможности или присесть, хотя бы на секунду, или хотя бы прислониться к стене. Строптивый монголоид ещё успевает получить порцию обеда, а вот старика Григория уже нет в отделении. Пока раздавали обед, Григорий сбежал от фашистов на улицу и за-

скочил в ожидающее кого-то у ворот такси. Перед побегом он прикарманил одноразовый пластиковый ножик, годный лишь на то, чтобы размазывать майонез. Усевшись в удобное кожаное сиденье, Григорий пристегнулся, взмахнул одноразовым ножом, как бы указывая таксисту путь, и заорал по-русски:

– А ну, гони!!!

На Григории была лишь больничная распашонка с бантиками на спине, едва доходившая ему спереди до колен и никак не соответствующая погоде.

Видимо, сочетание голых стариковских коленей, одноразового ножа и трагической экспрессии в голосе Григория вызвало у таксиста подозрения. Водила явно перетрухал и выскочил из машины, захватив, однако, ключи и заперев пультом своего несостоявшегося похитителя внутри машины.

Через полчаса приехали копы и бесстрашно обезвредили деда Гришу, изъяв у него оружие.

После коротких переговоров между копами и старшей сестрой, Григорий остался без обеда и отправился напрямик в психбольницу.

Раздача обеда тем временем закончилась, и нужно было опять пробежаться по палатам и проверить – кого необходимо покормить с ложечки. Обычно таких клиентов имеется с пяток, но их берут на себя санитарки и добровольцы. После обеда, с часу до двух, иногда до трёх – последний аккорд: старшая начинает тасовать пациентов в списке. Кро-

вати и тумбочки выписанных и усопших нужно помыть дезраствором. А помыв – перетащить их (кровати и тумбочки) в палаты для вновь прибывающих из приёмного отделения. А из этих палат перетащить кровати с пациентами и со всем их барахлом в другие палаты. Начинался настоящий хаос. Сколько драм разыгрывалось клиентами, нежелающими покидать уже обжитую палату! Старшая носилась среди курсирующих по отделению кроватей и тумбочек и вела тонкую дипломатическую игру с клиентами, и чаще всего – весьма успешно. И вот я толкаю отдраенную мною снизу и сверху металлическую кровать, застеленную новым бельём, и хочется мне прилечь на эту кровать и задрать ноги на каретку. Бывают такие безумные фантазии.

В заключение смены приходит партия чистого белья из прачечной и санитарка Вардит приглашает меня помочь ей разложить барахло в кладовке. В кладовке не развернуться. Вардит женщина крупная, с мужской фигурой и крупными чертами лица. Она разведена и видно, скучает. Разговор заводит она об очень важном для неё вопросе:

– Скажи, а я слышала, многие приезжают из России необрезанные?

У меня с Вардит хорошие отношения, и мне не хотелось бы делать их лучше или хуже. Как бы то ни было, я всего лишь пару месяцев в Израиле и понимаю иврит намного лучше, чем могу на нем изъясняться. Мое гугуканье разрушает романтическую атмосферу. Вардит вздыхает, бельё уже

разложено и мы мирно расходимся.

Вечерняя смена задерживается на 10 минут, которые кажутся очень длинными, недаром народная мудрость гласит, что самый длинный конец – у рабочего дня. Дождь кончился. На лавочке у ворот сидит изгнанный из отделения утром монголоид. Я спешу домой, безрадостно сознавая, что уже очень скоро, в 11 часов вечера, пройду через эти ворота вновь.

Глава 13, в которой продолжается рассказ о трудовых буднях санитаря

Как это часто бывает в субтропиках, яростный ливень и штормовой ветер вдруг прекратились, небо было безмятежно-голубым, солнце оптимистично сияло и припекало совсем не по-зимнему. Мне хотелось взлететь в это безмятежное небо, воспарить... да вот ноющие пятки мои были слишком тяжелы. Они прочно соединяли меня с Земным Шаром и сами собой двигались по направлению к дому.

Всю дорогу передо мной маячила крупная фигура санитарки Эйтаны. Она, как была в синем санитарском халате, так и топала в нём домой по улице, лишь накинув сверху болониевую безрукавку. Сзади я мог видеть её мощные, как у штангиста, обезображенные узлами варикоза икры.

В «слободке» были гости. Митяй и с ним две дамы. Митяй рассказывал о том, как он чуть было не влип в историю. Речь шла о таком банальном предмете, как мебель.

Один из нюансов эмигрантского быта – охота на новую выброшенную мебель. Есть такие милые районы, где живут адвокаты, дантисты, директора фирм и серьёзные бандиты. И бывает, проезжая по такому району, натыкаешься на совершенно новые диваны или шкафы, выставленные на улице за ненадобностью. У Митяя на этот случай в авто всегда были наготове тросы, резинки и багажник на крыше. Прак-

тически вся мебель в его квартире и в «слободке», а позже и в моей квартире, была «с выставки».

Митяй рассказывал:

– Прикинь, вижу – выставили кожаный диван и два кресла! Паркуюсь, смотрю – всё новяк! Достая тросы, прикидываю, как мне этот диван затащить на крышу... А тут из дома выходят грузчики, и забирают и диван и кресла в дом! Вышли бы они на пять минут позже...

Мы вели светскую беседу на балконе, когда на сцене вдруг появился художник Яков и, потирая руки, возвестил:

– Ну что ж, всё готово!

Все уставились на Якова. Тот сделал широкий приглашающий жест в сторону своей комнаты. Никто не двинулся с места.

– Вы же сказали, что хотите заказать у меня портрет! – сказал Яков, обращаясь к одной из дам. В голосе художника звенела обида. Тут все разом припомнили, что действительно, где-то месяц назад, наш Пикассо рекламировал апдейт своей «женщины на быке». Собственно, апдейт заключался в том, что художник продолжил работу над молочными железами изображенной на рисунке дамы, раз от разу добавляя им объем и блеск. Понятно, что женщина с таким бюстом передвигаться могла только на быке или на тракторе.

Сиськи на быке предлагалось приобрести по символической цене. Покупателя на этот шедевр среди нас не нашлось, но Митяй пообещал художнику поспрашивать у знакомых –

не найдутся ли желающие заказать портрет. Впечатлительный Яков фантазировал, что сорвёт гигантский куш, нарисовав портрет прекрасной и богатой незнакомки. Увидев Митя в обществе сразу двух незнакомок, Яков воспринял это как сигнал к действию. Он бросился откупоривать краски, готовить кисти и расставлять мольберт.

– Прикоснёмся к прекрасному! – зазывал публику вдохновенный художник.

Увы, прекрасные незнакомки не спешили заказывать у Якова портрет. В особенности, после ознакомления с его шедевром «Похищение Европы». Не отрывая испуганного взгляда от чудовищно распухших молочных желез Европы, незнакомки лепетали что-то о маме и о своей неготовности прикасаться к прекрасному.

Вечно румяный и загорелый инвалид по сердечным болезням, Яков сделался совсем красным. Надутые губы его задрожали. Казалось, он потребует сатисфакции... но он всего лишь убежал и закрылся в комнате. Митяй и его спутницы тоже покинули нас, совершив предварительно несколько традиционных кругов по квартире – в поисках бумажника и ключей от машины. Я остался наедине с мороженой камбалой и сухими бобами. В тот день меня ожидала ночная смена, и надо было бы поспать, да жалко было тратить время на сон. Я решил навестить Машу и Витю – молодоженов, с которыми познакомился на курсах иврита.

Вечерние курсы иврита я посещал ровно пару недель.

Публика там была разношёрстная: степенные пожилые дамы, вечно всем недовольные и переспрашивающие каждое новое слово по 10 раз. Семейные пары разных возрастов, в том числе Маша и Витя (ребята моего возраста) и пара художников (оба очень похожие на армян, с огромными печальными глазами на смуглых, обрамленных иссиня-чёрными локонами лицах). Красномордые мужики-работяги, бывшие кадровые военные. Любопытно, что группа эмигрантов из Украины держалась особняком, не желая иметь ничего общего с «москалями». Вместе с салом и горилкой они привезли из Малороссии и традиционный привычный и любимый образ врага. На курсах я не задержался, трудно было сидеть в классе. То меня накрывало свинцовыми волнами сна (после утренней смены), то раздражали переспрашивающие всё по десять раз старушки. Маша и Витя почему-то прониклись ко мне дружескими чувствами и зазывали в гости. Маша была жгучей брюнеткой с аппетитными формами. Витя был подростковой комплекции, с мелкими чертами лица, со светлыми глазами и русыми кудряшками. Он напоминал мне маленького Ленина, каким его увековечили на октябрятской звёздочке. А жили они в соседнем доме. Длинный коридор-галерея был застеклён с одной стороны и предоставлял восхитительный вид на стену соседнего дома. На другой стороне располагались двери многочисленных съёмных комнат. Заканчивался этот коллектор маленьким, но уютным, салоном с диванами, столом и телевизором. Эдакий ан-

дроидный улей. Действительно, из салона доносился весёлый разноголосый гомон. Машу я заметил сразу – она возвышалась на одном из диванов. Возвышалась, поскольку сидела выше прочих отдыхающих. Приблизившись, я заметил, что между диваном и Машей находятся колени какого-то молодого джентльмена. И видно было, что чувствуют они себя весьма непринужденно, несмотря на присутствие ещё нескольких молодых джентльменов. На столе стояли пивные бутылки, стаканы, тарелки с борщом. Ощущение хаоса дополняли разбросанные карты. Потные розовые лица повернулись ко мне, и я незамедлительно получил приглашение к столу. Никто не поинтересовался целью моего визита или, хотя бы, как меня зовут. Маша узнала меня и весело замахала мне рукой:

– Давай, давай, садись!

– А Витя где? – спросил я, стараясь не выдать удивления.

Мой вопрос вызвал взрыв хохота, что озадачило меня ещё больше. Просмеявшись, один из персонажей ткнул пальцем под стол. Там, на какой-то подстилке, лежал Витя. Он явно был пьян. С по-детски пухлых губ его текли слюни, на светлых шортах чётко выделялось большое мокрое пятно.

– Обоссался наш Витёк! – радостно сообщили мне.

Я решил закончить визит и откланялся, публика неодобрительно пошумела, но за рукав хватать меня никто не стал. От визита остался у меня очень неприятный осадок, и более Машу с Витей я не посещал. Да и курсы иврита пришлось

оставить – работа была важнее.

Через много лет, я встретил Машу в магазине. Она прибавила в весе, раздалась в плечах и в бедрах. Маша сообщила мне, что работает продавцом, одна воспитывает ребёнка. От кого ребёнок и что стало с Витей, я выяснять не стал.

Но вернёмся ко Дню санитаря.

Покинув «андроидный улей», на улице я столкнулся нос к носу с тинэйджером Лёней. Визаж у Лёни был а-ля Юрочка Шатунов. Годков ему было 20 с небольшим, но выглядел он на все 17.

– Пошли в «каньон», по пивку двинем.

У меня ещё оставалось время. От пива я сразу отказался, но составил Лене компанию. На втором этаже «каньона» были разные общепитовские заведения – пиццерии, «Макдональдс» и просто кафе. Гремела музыка – мелодии и ритмы зарубежных стран. На свободном от столиков пространстве топталась в такт молодежь. Лёня плюхнулся за столик и достал сигарету. Не глядя, он сунул руку в толпу танцующих и притянул за шкурку какого-то мальчугана.

– Зажигалку! – процедил Лёня на иврите.

– Щас принесу! – услужливо отозвался подросток.

Лёня не отпустил его, а отшвырнул от себя в толпу танцующих.

– И чтобы быстро! – рявкнул Лёня.

– Ты чего так круто? – спросил я.

Мне всегда неприятно, когда унижают или обижают ко-

го-то. Не важно кого и не важно за что.

Лёня криво улыбнулся:

– А пусть боятся.

Буквально через пару минут подросток вернулся с зажигалкой и подобострастно поднес язычок пламени к Лёниной сигаретке.

Ожидание ночной смены тяготило меня и не давало расслабиться. А может быть, все эти мелкие и неприятные эпизоды проходящего дня тяготили меня? Всё это конкретное и метафорическое дерьмо. И если вы спросите – я выбираю дерьмо конкретное. От него легче отмыться. Занятый такими радостными мыслями, я погрёб к дому, оставил Леню вкушать пиво и наслаждаться собственным величием.

Глава 14. Ночь санитара

Есть в ночных сменах своя прелесть. Например, ночью больные спят (в основном), и намного меньше трахают мозги усталому персоналу. Утром, когда все нормальные люди приходят на работу, ты уходишь с работы. И весь день у тебя впереди. Это при условии, что тебе не вlepили вечернюю смену, разумеется. В больнице на ночных сменах особенно не расслабишься – есть масса рутинной работы по наведению чистоты и порядка, сортировке инвентаря, и прочая и прочая. Кроме того, всех «лежачих» больных нужно поворачивать с боку на бок каждые два часа. А если старшая по смене хочет выслужиться перед начальством (на спинах подчинённых, заметьте), то под утро, часиков в шесть, начнется помывка в «лежачих» палатах. Шоб служба мёдом не казалась! Интересно, а если её, ретивую старшую смены, если её саму в шесть утра выдернуть из теплой кровати, да голой жопой на холодный пластик кресла-каталки, да под душ... И не тот это душ, под которым можно стоять и париться, и кайфовать. Это скоростной, бодрящий душ. Раз – окатили водичкой. Два – намылили. Три – смыли. Так что, со временем, вся эта ночная романтика мне изрядно поднадоела. Ночь. Нож! Три кастета! Нет, это из другого жанра.

Ночь. Мы, не спеша, переходим от палаты к палате. Старшая вечерней смены торопливо рапортует около каждого

пациента. Она торопится «сдать» смену – и домой. А время-то уже – двенадцатый час. Пока она доберётся домой, горемыка, пока помоеется, смоеет с себя миазмы... Первый час ночи... А потом – приступ обжорства. За несколько секунд уничтожит плитку шоколада и большую коробку конфет. А потом – раскаяние, мысли о лишних килограммах и килокалориях. Рвота над унитазом... Второй час ночи... А в 7 утра она помятая, как мочалка, опять идёт тем же курсом, по тем же зловонным белым отсекам, и те же родные лица вокруг... Но это будет утром, а сейчас...

В 4-й палате, прямо у двери в кресле сидит лысоватый мужик. Его глаза выпучены, рот открыт буквой «О», он пытается выдохнуть и сипит так, что его слышно из коридора. Старшая заглядывает в его файл.

– У него записана сейчас ингаляция.

Зарядили ингаляцию. Меня ожидают груды инвентаря, который нужно разложить, рассортировать, привести в порядок для утренней смены. Что-то добавить, долить. Разложить бельё в кладовке. Между делом, каждые два часа ходим с сестричкой ворочать молодцов-огурцов, вегетативных пациентов. Сестричка – молодая африканка. В тёмном коридоре белеет её халат и улыбка. Халат и улыбка вдруг приближаются ко мне:

– Ой, а ты знаешь, я боюсь темноты!

Меня берут за руку. Я «включаю тупого»:

– Да ты не бойся, щас у старшей фонарик попросим...

Через пару часов я вспомнил про астматика. Подумал, что хватит ему уже дышать воздухом из компрессора. Лекарства-то в ингаляторе хватает на несколько минут. Медсестра вообще забыла про него. Подошел к 4-й палате, отдернул занавесочку. Астматик сидел в кресле слегка ссутулившись и сжимая двумя руками подлокотники. Компрессор бесполезно тарахтел на всю палату. Ингалятор валялся у астматика на коленях, и дыхательных движений заметно не было. Лицо его было как маска Павора – открытый рот, выпученные остекленевшие глаза. На мой зов, кряхтя и охая, пришаркала медсестра. Делать кардиограмму не было необходимости. Его путь в Сансаре завершился. Пришёл заспанный дежурный доктор. Потребовал всё-таки сделать кардиограмму. Протокол и порядок. Я закрепил электроды на холодных и твёрдых конечностях бывшего пациента больницы. Бывшего астматика. Электрокардиограф безропотно зарегистрировал электрический потенциал с поверхности брэнной оболочки. Я принёс результаты эксперимента – полоску бумаги с прямой линией – на сестринский пост. Пока медсестра говорила по телефону с семьей усопшего, врач лихорадочно строчил что-то в истории болезни. Эпикриз или ка-тамнез. Официальный Эпилог.

Даже разговаривая по телефону, медсестра красиво жестикулировала свободной рукой:

– Я советую вам приехать... состояние больного внезапно *ухудшилось* (куда уж хуже?) ...значительно ухудшилось...

мы делаем всё возможное (да-да, даже, вот кардиограмму сделали!), но состояние очень тяжёлое... На самом деле, откуда нам знать – ухудшилось ли его состояние? Просто закончился некий окислительный процесс длиной в 60 лет.

До конца смены оставалось 2 часа. Медсестра зевала и, поглядывая на часы, фантазировала, что родственники усопшего за оставшееся до конца смены время, приехать не успеют. И объясняться с ними придётся старшей сестре следующей, утренней смены. Врач вчитывался в строки назначений, надеясь заметить и исправить ошибку, если таковая была. Было бы забавно, если бы он, например, нашёл бы выписанную по ошибке смертельную дозу препарата. Исправил бы запись, и тут, как результат исправлений, покойник оживёт. Но задачей доктора было защитить пока-ещё-живых от бытовых неприятностей. Необратимые биохимические явления грозили пока-ещё-живым административно-бюрократическими рикошетами. Вот вам параллельные миры. Через час пришёл батюшка-раввин и забрал труп в больничный холодильник. Я помогал ему, толкая каталку сзади. В утреннем полумраке чёрная фигура раввина с развевающимися пейсами напоминала гигантского жука. В холодильнике несколько ячеек были уже заняты. Лязгая стальными дверцами, раввин искал свободную ячейку. «Ищет ему подходящую нишу» – подумал я.

Хотелось спать. Спать, кстати, в больнице категорически запрещалось. Среди персонала ходили страшные истории,

о том, как медсестра и санитарка уснули на ночной смене, и пришёл Чупакабра... То есть, дежурная старшая сестра больницы... И всех уволила. Сразу и навсегда. Поэтому, с 4-х часов утра начиналось самое мучительное для меня время. Я засыпал стоя, засыпал, стоило мне лишь на мгновение остановиться. Мыли лежачих больных. Я поворачивал клиента «на себя», удерживая его в положении на боку и успевал увидеть сон, пока медсестра намыливала клиенту спину.

Уже в более поздний период, когда я стал «матёрым» санитаром, я брал дополнительные ночные смены в доме престарелых. Там было три этажа, на первом – лобби, кухня, кладовка с заветным холодильником. На втором и третьем – комнаты старичков. Ночи там должны были быть легче, но... В первый раз я дежурил там с медсестрой Даной. Это была высокая, ухоженная блондинка, не старше 30-ти. На дежурство её привозил муж, которого я никогда не видел. Дана намекала, что он довольно богат, и мне было непонятно – за каким чертом ей, в таком случае, нужны ночные смены? Уже в 12.00 с делами было покончено и мы с Даной расположились на диване в лобби, напротив телевизора. Кто-то постучал в дверь. Дана жестом приказала мне оставаться на месте и впустила какого-то бледного субъекта. Они уселись рядышком, взявшись за руки. Бледный по-хозяйски переключил на футбол. Я было поднялся, чтобы оставить их вдвоем, но Дана вновь остановила меня:

– Не уходи.

– Ты ж с другом?

– Да надоел мне этот козёл... – сказала Дана задушевым голосом и я вдруг сообразил, что бледный козёл, должно быть, не понимает по-русски. Иностранец. Иди вот, пойми душу женщины. А тем более, медсестры. Однако, смотреть футбол мне было тягостно. Я завалился на диван в двух метрах от влюбленной парочки и собрался почитать, как вдруг мерзко задремал колокольчик вызова.

– Это Мирьям...

Мирьям, толстая сгорбленная старушонка, жила на втором этаже.

Бегу на второй этаж. Мирьям сверлит меня взглядом и брюзжит:

– Можно было умереть 10 раз, пока вас дождёшься!

– Чего пожелаете?

Мирьям молчит. Я стою перед ней, ощущая жжение в натруженных на утренней смене пятках. Жду. Мирьям молчит. Выражение лица у неё такое, как будто её заставили скушать свежераздавленную жабу. Я молчу. Она молчит. Мы молчим. В конце концов, мне надоело и я поворачиваюсь к выходу.

– Стой!

– Да?

– Поправь мне подушку.

Я поправляю подушку.

– Да не так же, Господь всемогущий!

Я поправляю подушку. Ещё чуть-чуть! Я двигаю подушку ещё на миллиметр.

– Ты что?! Ты меня так с постели сбросишь! Варвар!

Ещё пять минут нелепой игры с брюзжащей старушонкой и с подушкой. Болят пятки и очень хочется спать. Преодолевая искушение положить подушку ей на лицо, спрашиваю:

– Ну что, так нормально?

Мирьям молчит. Когда я уже дошел до двери – выстрел в спину:

– Я хочу в туалет, помоги мне! Всё вам скорей-скорей! Лишь бы не работать!

Пытаюсь помочь ей встать с кровати. Беру за плечо и за руку и пытаюсь сначала усадить...

– А-а-а!!! А-а-а!!! Ты мне чуть руку не сломал!

Слышу из-за спины ангельский голос Даны:

– Мирьям, сука старая... Когда ж ты сдохнешь?

Мирьям неожиданно резко поднимается с кровати сама. От испуга я хватаю её под руку.

– Да ты что так давишь?! Хочешь мне кости переломать?! Медленнее! Ещё медленнее!

Миллиметр за миллиметром мы продвигаемся к унитазу. До унитаза метра два, мы проделываем это расстояние за несколько бесконечных минут. С ахами, охами и стонами.

– Жди меня здесь! Не уходи!

Но мне приходится оставить её – Дана нужна помощь на третьем этаже.

– Мирьям, посиди пожалуйста на унитазе, я вернусь за тобой.

– Вернётся он! Куда пошел?! Завтра пожалуюсь на тебя! Жди здесь, сказала!

Бегу на третий этаж. На третьем этаже взбесились супруги Твикс – «сладкая парочка». Это были высокие, дородные люди, похожие, как брат и сестра. Они занимали номер-люкс и очень элегантно одевались днём. А сейчас они шлялись по этажу голышом, причём муж напялил галстук, а жена была в какой-то игривой комбинации. Муж держал спутницу жизни под руку и высокомерно объяснял Данае:

– У нас самолет в Брюссель через два часа!

Элегантный галстук его заканчивался на уровне голого пупка. Дана, преграждая супругам путь к лифту, пыталась уговорить их вернуться в комнату. Твикс разом отвернулись от неё и двинулись к лестнице. Там я их и встретил.

– Куда же вы ... без чемоданов...

– Чемоданы! Чемоданы!

Обнимая супругов за бледные старческие плечи я стал направлять их к комнате. Оба шатались из стороны в сторону, как пьяные, ковыляя на трясущихся ногах. В комнате нас ждал сюрприз – пол был обильно залит мочой (спасибо диуретикам!). Сладкая парочка начала скользить, как пьяные на катке, падать, цепляться за меня мокрыми от мочи руками. Вся эта сцена напоминала скульптурную группу «Лаокоон с сыновьями». Утихомирив сладкую парочку, вернул-

ся к Мирьям. Та всё ещё «куковала» на унитазе.

– Пожалуюсь на тебя завтра, бездельник!

Опять стоны и причитания, миллиметровые шажки... Бегу вниз, предвкушая отдых... Звонок. Второй этаж... Мирьям.

– Дай мне воды!

Бутылка с водой на тумбочке, на расстоянии 30-ти сантиметров от старушки. Подаю ей бутылку.

– Помоги мне сесть, я же не могу пить лёжа! Да осторожнее, варвар!..

– Она может так по десять раз за ночь тебя дёргать. Хватит к ней бегать! – вдруг решает Дана. Сестра отключает шнур электрического звонка от стены. – Только утром – не забудь включить.

Мирьям сжимает в кулаке импотентный звонок и щёки её трясутся от негодования.

В лобби тьма сменяется предутренним полумраком. Долгожданные диваны кажутся уже не такими уютными. Дана выглядит помятой, усталой женщиной. Темнота многие вещи изменяет, да и вообще, всё в нашей жизни лишь вопрос освещения, не так ли?

Дана зевает и, не глядя в мою сторону, плюхается на диван. Я опускаюсь в кресло и кладу ноги на журнальный столик. Закрываю глаза. Трезвонят сразу несколько звонков из разных комнат. 6 утра. В комнате старушки Товы я открываю окно. Холодный утренний воздух, солнце, тяжёлые тучи,

запах дождя. Ничего прекраснее того рассвета я не видел.

– Оставь окно открытым! – просит Това.

– Тебе что-то нужно?

– Ничего!

Маленькая, сухонькая, с румяными щечками, старушка
Това кажется мне ангелом.

До конца смены ещё целый час.

Глава 15, в которой сюжет совершает неожиданный поворот: автор включает машину времени и мы переносимся на 25—30 лет до начала описываемых выше событий

Сначала объясню кое-что о своей генеалогии. Она не начинается от Меровингов или Рюриковичей. С домом Габсбургов я тоже, насколько мне известно, не имею прямых связей. Если мои одноклассники (или соседи) и упоминали моё происхождение, то лишь в минуты крайней фрустрации (их крайней фрустрации) и всегда в негативном аспекте. Родители воспитывали меня в духе ленинизма и интернационализма. Никаких сионистских или религиозных тем никогда не поднималось. Были среди дедушек и бабушек рабочие, кузнецы, грузчики, казаки, офицеры. Колеватовы, Тихоновы, Детистовы, Хрусталёвы и Артамоновы. И был дедушка Зельтц. Лет до 7 я был уверен, что я – русский, советский. Эта концепция дала трещину, когда я начал учиться в школе, в первом классе.

Я подрался с кем-то на перемене. Мой побитый противник отбежал в сторону и начал выкрикивать противным голосом:

– Ев-рей! Ев-рей!

Я не понял, что это значит, но звучало это, как оскорбление. На всякий случай я догнал обидчика и побил его ещё капельку.

Меня поставили перед училкой, и та спросила строго:

– Почему ты побил Васю?

– Он обзывал меня евреем! – во мне ещё бродил кураж и задор потасовки. И я был уверен в своей полной правоте. Ведь если кто-то пытается тебя обидеть, это же твоё полное право – постоять за себя.

– Но ты и есть – еврей, – сурово одёрнула меня училка. – Не смей больше бить никого!

Весь кураж моментально улетучился. Я почувствовал себя крайне виноватым, обмякшим. Что-то не состыковывалось в моей детской голове. Я не понимал, что это значит – «еврей», но ощущение было такое, как будто у тебя вдруг нашли некий дефект, этого уже не исправишь. Ты хуже других, как бы ты ни старался, и тебе с этим жить.

Я пришёл домой и спросил у мамы, что значит «еврей».

– Еврей?! Да ты русский! – и мама перевела разговор на другую тему. И с той минуты, ощущение собственной второсортности стало лишь сильнее.

В общем, я и не подозревал, что принадлежу к древнейшему народу. Или почти принадлежу. По крайней мере, своей X-хромосомой я обязан славянам. А вот Y-хромосома досталась мне прямиком от Праотца Авраама. Не более 100 поко-

лений промелькнули между нами (между Авраамом и мной, значит). Но, как уже было отмечено выше (или свыше), я ни о чем таком в детстве не догадывался.

Когда я вспоминаю своё детство, мне не верится, что это было со мной. Я не уверен, что всё это вообще происходило в действительности. Нет у меня ощущения непрерывности и целостности сюжета. Остались в памяти лишь какие-то разрозненные картинки. Смотрю на них и не разберу – то ли Босх, то ли Кустодиев, то ли просто этикетки от «жувачки».

Вот вам картинка первая.

Мне уже четыре годика. Я старательно кушаю манную кашку, разжёвывая комки и прислушиваясь к отморозенному голосу Заслуженного Народного Артиста. Он повествует о приключениях Буратино. Голос доносился из колонки проигрывателя третьего класса «Рекорд». Буратино представляется мне болезненным ребёнком с вытянутым фиолетовым лицом. Мне было обещано, что если я доем кашку до конца, то в будущем стану солдатом или летчиком. И смогу, как Николай Гастелло, направить свою объятую пламенем крылатую машину на какую-либо благородную цель. Доедать кашку нет желания. Бабушка, дочь терских казаков из станицы Калиновская, возмущается:

– Да ты знаешь, как мои братики во время революции голодали и просили: «Сестрица, найди нам покушать!», а кушать-то было нечего.

Бабушка проводит по тарелке корявым пальцем и реши-

тельно подносит вымазанный кашей палец к моему носу.

– Ешь!

Я протестую. Корявый палец дрожит в миллиметре у моего носа. Бабушка яростно настаивает.

– У меня палец чище, чем твой рот!

Я рискую отклониться на стуле и встать из-за стола. Бабушка, сокрушённо качая головой, отвешивает мне оплеуху.

– Собирали лебеду в поле... с голодухи... По сухарику в день съедали...

Бабушка верит, что я должен съесть всё. Всё, что не досталось ей и её маленьким братьям. И тогда со мной в жизни не случится ничего плохого. Я не умру от голода. Никогда.

На мне зелёная рубашка с оранжевой звездой на левом кармане. «Как у солдата», – говорит мама. Такой рубашки нет ни у кого в садике. Мама сама сшила её из обрезков, что остались от её платья. Тогда, в четыре года, мне это очень нравилось. Проблема была в том, что и в школе мама продолжала шить мне рубашки и штаны из обрезков, перешивать дедушкины и папины вещи. Даже когда мне это уже совсем перестало нравиться. Зато это нравилось моим одноклассникам. Мало того, что почему-то я один на всю школу считался евреем (или так мне казалось). Так ещё и гардероб мой постоянно вызывал насмешки. Я ходил в мешковатом сине-чёрном костюме фасона конца сороковых. Костюм достался мне от дедушки Зельтца, который умер в 1953-м, за 30 лет до того, как я стал старшеклассником и получил его

костюм. Пиджак вонял застарелым потом. Из драной подкладки на груди лез колючий конский волос. Швы на пиджаке и на штанах были засалены и блестели. Я вполне могу носить и даже передать своим детям дедушкин костюм и папины старые ботинки. Они почти не рваные. Только кое-где швы слегка разошлись. Жаль, что от дедушки мне не досталось ботинок. Не досталось от него и трусов с майками. Не досталось носков. Куда, чёрт возьми, исчезли дедушкины носки? Ведь не прошло и тридцати лет, как он оставил этот мир, а тридцать лет – вовсе не срок в Космическом Масштабе. Я чувствую себя обкраденным. И ещё кое-что мне досталось от дедушки. Это медная гарда от дедушкиной сабли. Дедушка служил в шестой Конной Армии. Дедушка скакал на коне и отвешивал белякам оплеухи. На гарде зарубки. Мне ещё не было пяти, когда я впервые прикоснулся к реликвиям: гарда и дедушкин блестящий портсигар с изображением Минина и Пожарского. Похоже было, что патриоты не поделили меч, вцепившись в оружие одновременно с двух сторон. Пожарский как бы присел, закрываясь круглым щитом. Минин же угрожающе воздевал мощную длань и выражение на металлическом лице его говорило: «Я-те, с-сука!» Были ещё пули от винтовки, зелёные пуговицы от дедушкиной гимнастерки (металлические, пузатые, со звёздочкой и с серп-и-молотом) и дедушкины зубы. У дедушки была цинга, и зубы он вынимал пальцами и зачем-то складывал их в коробку с пуговицами. Там они и пролежали 30 с лиш-

ним лет. Дедушка в глубине души верил в генетику и мечтал, чтобы его клонировали в 21-м веке.

Были ещё реликвии: на бабушкином старинном комодостояли мраморные слоники, мраморные орлы, мраморный медведь с гармошкой. В разгуле бесшабашности бабушка разрешала мне потрогать все эти необыкновенные штуки. Со старинных фотографий пристально смотрели на меня отретушированными зрачками усатые люди в папах, в бурках и с кинжалами. Мои предки. Была ещё одна вещица, которую мне не разрешалось трогать. Это была овальная банка фиолетового стекла. Внутри банки жили своей жизнью маленький дворец, балерина и фламинго. Мне разрешалось смотреть на это чудо. Там был целый мир, загадочный и волшебный. Я смотрел, затаив дыхание и мне хотелось поговорить с балериной, прикоснуться к прекрасным фламинго... Когда банка разбилась, пятно цветного масла растеклось по паркету. Балерина и фламинго безжизненными комочками воска лежали среди осколков. Бабушка намекает на то, что жить мне намного привольнее, чем, например Владу – моему отцу. Когда Владик был маленький, он убежал с ребятами воровать снаряды с военного эшелона. По возвращении – был положен животом на сундук и выпорот. Я не воровал снарядов, но меня тоже пороли, и за менее значительные проступки. Оплеухи не в счет. Сундук, мрачный как эшафот, стоит в кладовой. Это огромный деревянный сундук, красиво обитый жёлтой и красной жостью, с тяжёлыми

металлическими ручками и замками. Я уверен – в нем хранятся сокровища. Понятно, что в сундук мне лазить нельзя.

Глава 16. Продолжение «Весёлых картинок», в которой описываются попытки моделирования «Травмы рождения»

Мы живем в коммунальной квартире. Мне 5 лет. Соседка, тётя Шура, угощает меня сгущёнкой. Этот волшебный деликатес – сгущёнка – налита в блюде, и я должен собрать её хлебным мякишем. Родители приходят с работы поздно, поэтому, иногда тётя Шура присматривает за мной. Иногда приезжает бабаня (бабушка Аня). Бабаня глуха, и когда хочет сообщить окружающим что-то неприятное, предварительно отключает слуховой аппарат. Таким образом, она экономит не только дефицитные батарейки, но и свои нервы. Я хочу поиграть с бабаней и прячусь в ящик дивана – пусть поищет! Вдруг, по скрипу половиц и по вибрациям каркаса, я понимаю, что 80-ти килограммовая моя бабаня уже сидит непосредственно на диване, и что вылезти я уже никак не могу. Мне кажется, что меня похоронили заживо. Мне нечем дышать. Отчаяние, животный страх, осознание терминальности бытия – всё это я ощутил остро и сразу, почти так же остро, как тогда, когда застрял в керамической канализационной трубе.

А в трубе я застрял, когда вместе с другими детьми мы

пытались пролезть по ней. Труба лежала во дворе, возможно, забытая строителями, а возможно, специально приготовленная для нас. Ловушка для любопытных, гуляющих без присмотра пятилетних детей. Труба лежала на песке, соблазнительно открыв нам свое лоно. Любой, заглянув в неё, мог увидеть потусторонний мир – мир по ту сторону трубы. Идеально круглый мир, сияющий сквозь керамическую черноту. Он звал нас. Нас было трое: Алка, Мишка и я. Мишка первым услышал зов и догадался предложить нам телепортироваться через трубу. Он сказал что-то вроде: «А не отыграть ли нам заново „травму рождения“?» Или: «А что будет символизировать цилиндрический объект, который введёт себя в другой цилиндрический объект?» И вот там, разыгрывая из себя неуклюжий сперматозоид, я повернулся неудачно, не выдвинул вовремя руку, и застрял. Если бы мне было 30, я бы сказал, что я чувствовал себя, как неудачно женившийся человек. Но мне ещё чуть-чуть не хватало до 30.

– Ты мой, – прогудела труба. – Ты останешься внутри меня на веки вечные!

И у меня было достаточно времени понаблюдать этот изумительно светлый и идеально круглый мир снаружи. Там внедрялись рационализаторские предложения, воплощались решения съезда в жизнь, формировались народные дружины, проводилась беспощадная борьба с несунами и с низкопоклонничеством перед Западом. Там разрастались стройки коммунизма, выделялись отдельные квартиры каждой совет-

ской семье, решалась продовольственная программа. Где-то между отдельными квартирами и решённой продовольственной программой уже наклёвывались, как нераскрытые бутоны, новые олигархи в малиновых пиджаках. Бородатые чеченские боевики выстраивались в очереди за «синей птицей», по одной в одни руки. Сидя под бабаней, в недрах дивана, я видел только оправленную в твёрдое дерево черноту, слышал гробовую тишину и таким образом, любая сенсорная связь с иллюзорным внешним миром была потеряна. О, если бы такая ситуация повторилась сегодня! Если б я вновь оказался закрытым в диване, придавленный телом 80-ти килограммовой бабушки, я бы всё сделал иначе. Я бы изо всех сил, крепко и глубоко заснул бы и постарался бы проснуться не ранее 2020 года. Что ж, видно уже тогда я был пропитан марксизмом, потому что чрезвычайно испугался банальной сенсорной депривации, решил, что промедление смерти подобно и, бабадя изо всех сил, требовал сбросить гнёт и жаждал свободы, не подозревая, что именно будучи запертым в диване, я был истинно свободен. Не иначе, именно после такой неудачной игры в прятки я и начал заикаться. Родители же были уверены, что заикаться я начал после того, как меня де напугали «плохие мальчишки». Сухомлинский, конечно же, возразил бы. «Плохих мальчишек не бывает», – сказал бы он. С другой стороны – вряд ли он бывал в Арбатове.

В другой раз бабадя сыграла со мной шутку. Я вышел

из комнаты и не нашёл её. Я кружил по двухкомнатной коммунальной квартире, я звал её и не нашёл её. Была зима, окна были заклеены, моё зарёванное лицо в форточке отражало экзистенциальный ужас и веселило прохожих. Всё это время бабаня, отключив слуховой аппарат, дремала на стуле за холодильником «Бирюза».

Глава 17. Продолжение «Весёлых картинок», антагонизм процесса и цели

Я ласково попрощался с плюшевой собачкой по кличке Авка. «Я еду в Детский парк!» Авка не возражала. Хотя её саму не брали в Детский парк, Авка не выражала протеста или фрустрации. Она безропотно и смиренно принимала жизнь такой, какая она есть.

Детский парк! Это было моей мечтой. Мама оделась красиво, мне выдали белые гольфики. Раньше я только наблюдал Детский парк из окна трамвая. Огромная белая космическая ракета возвышалась в центре парка. Педальные детские машинки ездили по дорожкам. Мороженое в вафельных стаканчиках!

Мы идём к трамваю. Возле трамвайной остановки – ряды аппаратов с газировкой исторгают пахучие потоки на асфальт. Потоки сливаются в лужи, граждане вываливают из трамвая, перепрыгивают через лужи и спешат, спешат, спешат...

– Куда стремитесь вы, безумцы? – сказал бы я но не сказал, и даже не подумал, в силу отсутствия способности к рефлексии. И даже такой простой факт, что в вечно истекающих сиропом аппаратах присутствует вечное отсутствие ста-

канов – даже этот очевидный и поразительный факт не привлёк моего внимания. Я видел перед глазами только белую космическую ракету.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.